

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД АЛЕКСАНДРА КНЯЗЕВА
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ИНСТИТУТ
РУССКОЙ ДИАСПОРЫ

РУССКИЙ МИР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сборник статей и материалов

Выпуск 1

Бишкек 2007

УДК 327
ББК 66.4
Р 89

Под общей редакцией
д-р. ист. наук, профессора Кыргызско-Российского
Славянского университета А.А. Князева

Р 89   РУССКИЙ МИР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: Сб. ст. и материалов:
Вып. 1. — Б.: О.Ф. Александра Князева, Центральноазиатский
институт русской диаспоры, 2007. — 82 с.
ISBN 978-9967-24-339-2

Сборник статей и материалов «Русский мир Центральной Азии» издается в рамках проекта «Россия и русские в Центральной Азии» и планируется как продолжающееся издание о проблемах русских в Центральной Азии. В статьях первого выпуска содержатся материалы по истории русского населения в странах региона, изменению их этносоциального, этнополитического и этноэкономического положения, а также по проблеме русского языка в Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Таджикистане.

Издание предназначено для специалистов в области этнической политики, историков, социологов, всех, интересующихся проблемами русских диаспор в Центральной Азии.

Р 0802000000-07

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-9967-24-339-2

© Авторы статей, 2007 г.
© Общественный фонд Александра Князева (серия «Россия и русские в Центральной Азии», 2006-2007 г.
© Центральноазиатский институт русской диаспоры, 2007 г.

От издателей

**СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ «ОБЩЕСТВЕННОГО ФОНДА
АЛЕКСАНДРА КНЯЗЕВА» И «ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ»
ПО ИЗДАНИЮ КНИЖНОЙ СЕРИИ
«РОССИЯ И РУССКИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»**

Место России и русских в истории Средней Азии и шире в Центральной Азии столь значимо, что и не требует особых обоснований и доказательств.

Но вряд ли является секретом или каким-то открытием, что после распада СССР во многих бывших советских республиках, не говоря уж о зарубежье более дальнем, в весьма распространенную норму превратилось элементарное искажение исторической действительности, замещение объективности откровенной ангажированностью в интересах текущей, сиюминутной политики. А в результате возникает некая псевдоистория, доводимая порой до полного сюрреализма со всеми свойственными последнему проявлениями абсурда и алогизма. Это опасно, ибо события текущих дней, да и контуры дня завтрашнего, не возникают на пустом месте, а проистекают из этой самой истории. И неверное представление о днях минувших, порождая либо неоправданные иллюзии, либо необоснованные обиды и претензии, либо какие-то иные неверные представления из прошлого, деформирует сегодняшнее мироощущение, понимание происходящего вокруг, тем самым мешая двигаться вперед.

Позитивная в целом, несмотря ни на что, историческая роль и заслуга России и русских во всем прогрессивном, что есть сегодня в этой части Востока, — неоспорима. И задача «затеваемой» книжной серии — всего лишь зафиксировать подзабытое, всего лишь запечатлеть то, что и так очевидно, но, исходя опять же из чьих-либо конъюнктурных побуждений, искажается, намеренно деактуализируется, нивелируется, принижается.

Итак, задача проекта «Россия и русские в Центральной Азии» — извлечь из пыли архивов или глубин человеческой памяти, из любых иных носителей информации то главное, что составляло и составляет самую суть всей истории и сегодняшнего русского присутствия здесь.

КОНЦЕПЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО ИНСТИТУТА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ

Существующая тенденция к сокращению русского мира в странах центральноазиатского региона обусловлена как причинами естественного, объективного характера, так и некоторыми искусственно создаваемыми факторами. Сжатие русского общественно-политического, культурно-образовательного и информационного пространства связано с распадом социально-экономической среды существования русского населения (развал научно-промышленного сектора), с процессами самоопределения коренных народов региона, резким уменьшением численности русскоязычного населения и миграционными процессами. Вместе с тем можно наблюдать и искусственное вытеснение представителей русского этноса практически из всех ключевых сфер общественной жизни во всех без исключения странах Центральной Азии. Преследуя цель защиты законных прав и интересов русскоязычных граждан государств ЦА, исходя из целей сохранения русскоориентированного центральноазиатского пространства как части общего культурного, гуманитарного пространства стран региона, нами осознана необходимость создания принципиально новой общественной организации, имеющей научно-исследовательский, концептуально-развивающий и консультационный характер, способной критически оценивать состояние и перспективы русского мира в регионе, а также разрабатывать и применять стратегии противостояния этнократизму.

Центральноазиатский институт русской диаспоры (ЦАИРД) создается учредителями в целях определения места и времени русской диаспоры в странах центральноазиатского региона в условиях прогрессирующей этносоциальной доминанты титульных наций, ускоряющейся тенденции этнократизма во властных структурах каждой из стран центральноазиатского региона, выяснения основных рисков и тенденций, препятствующих динамичному внедрению политико-экономических структур русской диаспоры в региональное пространство, а также для разработки способов и механизмов, способствующих оптимизации позитивных сценариев развития русской диаспоры в интересах стран проживания и региона в целом.

Главной целью проекта является разработка принципиально новой модели политико-экономического встраивания русской диаспоры центральноазиатских стран в действующие экономические и социально-политические структуры и институты.

Проект носит преимущественно научно-исследовательский и консультативно-прикладной характер, имеет широкое международное значение и реализуется как в каждой из пяти стран Центральной Азии, так и в регионе в целом.

Основные направления проекта:

1. Глобальная адаптация. Особенности и потенциал адаптационных систем, присущих русскому миру в Центральной Азии:
  - Определение суммарного потенциала противодействия негативным тенденциям через рассмотрение всей совокупности политических, экономических, культурных, этносоциальных, языковых, знаковых, смысловых и иных адаптационных систем, присущих русскому миру. Определение возможностей взаимодействия региональных адаптационных систем. Изучение возможностей кроссцивилизационных адаптационных систем русского мира.
  - Изучение факторов, обуславливающих способности русской диаспоры самостоятельно выстраивать собственные механизмы противодействия русофобии и этнократизму. Выявление «узких мест» в законодательных актах, организационных механизмах, экономике, политическом устройстве стран региона, позволяющих судить о появлении системных случаев проявления указанных явлений.
  - Создание единой трансрегиональной структуры – Центральноазиатского института русской диаспоры.
  - Разработка программы действий, направленных на укрепление позиций русской диаспоры в странах Центральной Азии.
2. Взаимодействие факторов регионализма и этнократизма как угроза позитивному развитию региона:
  - Изучение и абрис совокупности внешних и внутренних факторов и тенденций современного регионального общественно-политического процесса.
  - Изучение процессов, происходящих в экономиках стран региона с точки зрения их влияния на русскую диаспору в современных политико-экономических условиях.
  - Определение роли этнократизации, как фактора, способствующего сужению границ русского мира. Оценка степени политической устойчивости русского мира.
  - Определение возможности совместного противодействия новым вызовам. Определение устойчивости экономики русского мира в странах центральноазиатского региона.
  - Выявление основных факторов и угроз, способствующих эскалации политической, экономической, межнациональной и межконфессиональной напряженности в центральноазиатском регионе.
  - Определение путей импорта чуждых русскому миру идеологий и псевдоэкономических механизмов.
  - Разработка защитных механизмов.

3. Столкновение и взаимодействие традиционных и демократических систем центральноазиатского региона в контексте существования русского мира:
  - Влияние азиатского традиционализма на демократические процессы в государствах Центральной Азии.
  - Оценка нового типа угроз в контексте развития региона.
  - Создание ценностной платформы русского мира Центральной Азии на принципах интернационализма, демократизма и общечеловеческих ценностей.
4. Цивилизационный транзит:
  - Изучение особенностей влияния русской диаспоры каждой из стран на динамику политико-экономического развития своих стран, региона в целом.
  - Особенности встраивания русского типа экономики и русской культуры стран центральноазиатского региона в современный миропорядок; оценка степени влияния этих факторов на цивилизационные процессы.
5. Выбор стратегий развития:
  - Разработка цикла исследований, определяющих дальнейшие пути и схемы развития русского мира стран центральноазиатского региона.
  - Моделирование оптимистических схем развития русского мира стран центральноазиатского региона с учетом сложившихся условий в государствах Центральной Азии.
6. Концепция «Русский лидер»:
  - Исследование особенностей и закономерностей, выработка рекомендаций по программе действий русской диаспоры.
  - Исследование условий и консультации по созданию политических партий, реализующих интересы русской диаспоры. Разработка концепций, сопровождение политических кампаний.
  - Оказание помощи всем заинтересованным сторонам в разработке и осуществлении проектов в сфере общественного управления и политики.

Учредители:

ОО «Владимирское общество»

Общественный фонд Александра Князева

ОО «Светоч»

Мастерская стратегий «Русская сила»

ЗАЯВЛЕНИЕ

Центральноазиатского института русской диаспоры

от 17 апреля 2007 года¹

На протяжении всех лет после объявления Киргизии независимым и суверенным государством сложилась порочная практика исключения нетитульных этносов республики из политической жизни. Определение политического курса страны оказалось монополизировано представителями различных групп титульного этноса. Участие отдельных представителей русской диаспоры в структурах власти в разное время на протяжении этих лет представляло собой скорее исключение, а по сути — попытки создать иллюзию о том, что политическая жизнь республики имеет полиэтничный, многонациональный характер.

В этом контексте вызывают серьезное опасение попытки определенных политических сил задействовать «русский вопрос» в качестве аргумента в нынешнем политическом кризисе. При осознанном равнодушии действующей власти по отношению к интересам русского населения республики, представители нынешней оппозиции пытаются представить, будто их действия поддерживаются русскими, противопоставляя, тем самым, русскую диаспору действующей власти. Например, странным выглядит указание на национальность в опубликованном оппозицией списке участников так называемой «политической голодовки» или акцентирование в выступлениях лидеров оппозиции на том, что, дескать, русское население поддерживает ее действия, участвуя в проходящих митингах и маршах. Эти и ряд других фактов направлены на то, чтобы поставить русское население в состояние конфронтации с действующей властью, давая повод усомниться в подлинных мотивах, диктующих русским отказ от участия в конфликте на любой из сторон.

Суть данного конфликта состоит в определении взаимоотношений между различными группами политиков, относящихся к титульному этносу, и никоим образом не должна касаться русских. Единственная позиция, которую, по нашему мнению, должна занимать сегодня русская диаспора — это позиция нейтралитета, отстраненности от происходящего. На протяжении более чем 15 лет после распада СССР о русских вспоминали лишь во время очередных предвыборных кампаний, как об определенном количестве электората. При этом никто и никогда не был озабочен действительными интересами и проблемами русского населения республики.

Мы обращаемся к русскому населению Киргизии с призывом не поддаваться на любые провокации, с какой бы стороны происходящего политического конфликта они не исходили. Сложившаяся практика неучастия русских в политической жизни печальна, но это отнюдь не означает, что участие в действиях одной из сторон конфликта поможет решить специфические проблемы русской диаспоры Киргизии. Гораздо важнее сегодня,

---

¹ Опубликовано на <http://www.ferghana.ru>

учитывая начало реализации в России программы по возвращению соотечественников, определиться с выбором — возвращаться в Россию или надеяться на стабилизацию ситуации и позитивное развитие Киргизии. Можно лишь отметить, что этот же выбор стоит не только перед русскими и другими этническими россиянами, но и перед наиболее рациональной частью киргизского населения, не желающего участвовать в политиканских разборках, а стремящегося обеспечить достойную жизнь себе и будущим своим детям.

Мы обращаемся к политикам всех сторон происходящего конфликта с настоятельным призывом отказаться от какого-либо использования этнических вопросов в своих интересах. Русская диаспора в Киргизии не может являться аргументом в идущем элементарном переделе власти. Ее задачи заключаются в осознании своего нынешнего положения и постановке соответствующих вопросов перед легитимными властями республики в рамках конституции и законодательства республики. И ситуация внутривнутриполитического конфликта — не самое лучшее для этого время.

РУССКИЕ В УЗБЕКИСТАНЕ 2000–х: ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ДЕМОДЕРНИЗАЦИИ

Е. Абдуллаев,

кандидат философских наук, политолог
(г. Ташкент)

В начале 90-х гг. было уже достаточно много общих исследований, затрагивающих положение русских в постсоветских государствах Центральной Азии¹, однако лишь очень немногие касаются Узбекистана² (причем, как правило, наиболее интересные наблюдения и выводы содержатся в очерках журналистов и литераторов³).

Представляется очевидным, что положение почти миллионного русского населения Узбекистана заслуживает более подробного научного исследования. Проживая на территории Узбекистана около полутора столетий и испытав различные миграционные «приливы» и «отливы» (см. табл. 1), русское население играло и продолжает играть значительную роль в социальных, экономических и культурных процессах, происходивших здесь.

Таблица 1
Динамика численности русского населения Узбекистана
(1926–2003 гг.)

Год	1926	1959	1979	1989	1995	1998	2003
Тыс. чел.	257	1091	1666	1653	1359	1244	1053,5
В % от общей числ. населения	5,3	14	11	8	5	5	4,1

Данное исследование не претендует на всеохватывающий обзор положения русских в Узбекистане в начале 2000-х. За его пределами останутся такие немаловажные сюжеты, как отношения между русскими и другими народами Узбекистана (наличие или отсутствие случаев «бытового национализма»); официально декларируемая политика в отношении русских; культурная, религиозная жизнь русских, а также такой важный

¹ См., например: *Тишков В.А.* Русские в Средней Азии и Казахстане // Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН. — № 51. — М., 1993; *Кузнецова С.И.* Русские в Центральной Азии (научно-аналитический обзор). М.: ИНИОН РАН, 1998; *Kortunov A., Lounev S.* Russia and Russians in Central Asia // Ethnic Challenges beyond Borders: Chinese and Russian Perspectives and the Central Asian Conundrum / Ed. by Y. Zhang and R. Azizyan. — Oxford: Oxford Univ. Press. — 1998 и многие другие.

² См.: *Nikolaev S.* Russians in Uzbekistan // The New Russian Diaspora. Russian Minorities in the Former Soviet Republics / Ed. by V. Shlapentokh, M. Sendich, E. Payin. New York: M.E. Sharpe, 1994; *Гинзбург А.И.* Русские // Узбекистан: этнополитическая панорама: очерки, документы, материалы. Т. II. Национально-культурные общества. — М., 1995; *Кобзева О.* Русские // Этнический атлас Узбекистана / Отв. ред. А. Ильхамов. — Ташкент; М.: ЛИА Р. Элинина, 2002; Россия и Узбекистан в прошлом и настоящем. Люди, события, размышления: Сб. ст. / Сост. А. Джумаев, Ю. Подпоренко, Э. Ртвеладзе, Д. Трофимов. — М.: «Альфа-книга», 2003.

³ См.: *Подпоренко Ю.* Бесправен, но востребован. Русский язык в Узбекистане // Дружба народов, 2001, №12; *Кудряшов А.* Исповедь русского в Узбекистане // ИА «Фергана.Ру», 19.04.2004. (ferghana.ru/detail.php?id=2808); *Муратханов В.* Первородный грех колониста. Русские в Средней Азии // Дружба народов. — 2005. — №8 (magazines.russ.ru/druzhba/2005/8/mu9.html); *Грищенко А.* Ташкентский миф и русское феллашество // Девушка с веслом. Иллюстрированный [электронный] литературный ж-л. — 2005, Апрель. — №2.

момент, как влияние на положение русских непростой динамики узбекско-российских отношений¹. Основное внимание будет сфокусировано на социально-экономической стороне, точнее — на месте русских в процессах ретрадиционализации и демодернизации, которые особенно усилились в Узбекистане с конца 90-х².

В рамках этого исследования мы будем использовать понятия «модернизация» и «вестернизация» как более или менее тождественные и безоценочные. Мы принимаем, в качестве рабочего определения, следующее: «понятие модернизации используется для обозначения процесса социальных изменений, которые исторически впервые произошли в Западной Европе и впоследствии приобрели глобальный характер»; примерами таких изменений являются: ослабление клановой организации общества, индустриализация, развитие системы образования и урбанизации³. Соответственно, под «демодернизацией» и «девестернизацией» мы будем понимать противоположные по направленности процессы.

Некоторые исследователи используют в аналогичном контексте термин «антимодернизация». Например, Б. Румер в своем недавнем исследовании отмечает в отношении Узбекистана: «Антимодернизация проявляется во всех сферах культуры и экономики. Ретрадиционализация общественной жизни, депрофессионализация целых слоев населения, идущий сверху антиинтеллектуализм, исход из страны квалифицированных кадров... — все это явные признаки антимодернизации, характеризующие действительность постсоветского Узбекистана»⁴.

Все же, как мы полагаем, между антимодернизацией и демодернизацией имеется различие: последняя не всегда *сознательно* направлена против модернизации. Демодернизацией может сопровождаться реализация вполне модернизационных по замыслу социальных инициатив; однако, именно в силу отмеченной «ретрадиционализации общественной жизни», эти инициативы терпят неудачу: поддержка традиционализма в любой его форме сводит на нет любые модернизационные усилия. Верно и обратное: там, где «модернизация не смогла способствовать [реальным] переменам... государство сползает к возрождению традиционализма»⁵.

Что касается терминов «традиционализм» и «традиционализация», то мы, опять-таки, будем использовать его в данном исследовании

¹ Последнее рассмотрено в нашей недавней статье: *Абдуллаев Е.* После июня 2004 г.: о «малых» циклах узбекско-российских отношений // Центральная Азия и Южный Кавказ: насущные проблемы. — Алматы: ТОО «East Point», 2004. — С. 98–128.

² См. характеристику этих процессов в: *Abdullaev E.* Uzbekistan: Between Traditionalism and Westernization // Central Asia at the End of the Transition / Ed. by B. Rumer. — Armonk; New York; London; England: M.E. Sharpe, 2004. — P. 267–296.

³ *Evans G., Newnham J.* The Penguin Dictionary of International Relations. — London: Penguin Books, 1998. — P. 335–336.

⁴ *Румер Б.* Центральная Азия — десять лет спустя. Обзорный очерк // Центральная Азия и Южный Кавказ: насущные проблемы. — Алматы: ТОО «East Point», 2002. — С. 46.

⁵ *Evans G., Newnham J.* The Penguin Dictionary... — P. 336.

безоценочно. В этом мы отмежевываемся от тех методологических (и идеологических) установок, лежащих в основе замечательного исследования С.П. Полякова «Традиционализм в современном среднеазиатском обществе»¹. Традиционализм в Средней Азии представляется в этой работе как однозначно негативное явление, которое, кроме того, почти целиком сводится к исламу. С этим — и в отношении традиционализма, и в отношении ислама — мы не можем сейчас согласиться. Понятно, что позиция автора во многом была обусловлена временем и контекстом, в которых писалась эта книга (первоначальный текст готовился в начале 80-х в качестве «докладной записки о состоянии атеистической работы в Средней Азии» для ЦК КПСС²); кроме того, она рассматривала процессы традиционализации в сельской местности, не касаясь городов.

Однако за прошедшее с тех пор время стало очевидным, что далеко не все процессы традиционализации связаны с исламом или даже его косвенным влиянием. Более того, во многом именно благодаря консервативной силе традиционализма в Узбекистане — в системе образования, науке, искусстве — сохранились многие институты и практики советского периода (которые еще несколько десятилетий назад воспринимались как враждебные традиционному укладу) — причем не в последнюю очередь это касается сохранения значительного влияния русского языка. Как это произошло и со многими «традиционными» странами Азии, западные ценности и институты, активно воспринятые двумя-тремя поколениями местной элиты, становятся затем частью традиции (хотя и в определенном образом «адаптированном» виде).

Поэтому под ретрадиционализацией мы будем понимать не просто расширенное воспроизводство аккумулированных традицией ценностей, а определенное использование, инвестирование и конструирование традиции «сверху», властными элитами в интересах расширенного воспроизводства своей власти. Иными словами, ретрадиционализация будет рассматриваться как процесс использования властными элитами институтов и практик довереннизированного, доиндустриального общества (через механизмы идеологической индоктринации населения, усиление методов феодального, внеэкономического принуждения в системе управления и патроно-клиентальных «пирамид» при распределении и перераспределении ресурсов и т.д.).

В статье будет рассмотрено изменение статуса и идентичности русских под влиянием этих процессов в административной системе, бизнесе, системе образования; будет проанализирована связь процессов демодернизации и ретрадиционализации с процессами дерусификации и изменения городского ландшафта; будет также затронут ряд методологических вопросов, свя-

---

¹ Поляков С. П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. — М., 2004. — С. 117–122.

² Там же. — С. 124.

занных с данной проблематикой. Статья написана на основе многолетнего «включенного наблюдения» и обобщения и интерпретации эмпирических данных, а также на основании анализа доступного статистического и другого документального материала (правового, лингвистического и т.д.).

Этнос или этнический конгломерат?

Пять лет назад мы опубликовали статью «Русские Узбекистана — городской субэтнос (опыт социокультурного анализа)»¹, в которой попытались проанализировать и осмыслить специфику русских Узбекистана как этнической группы, отличающихся высоким уровнем урбанизации и европеизации. Хотя под основными положениями статьи мы готовы подписаться и сегодня, все же прошедшие пять лет внесли определенные коррективы — не только в ситуацию с предметом исследования, но и в нашу исследовательскую позицию. В статье 2000 г. еще частично присутствовал эссенциалистский подход, вызванный стремлением описать русских Узбекистана как достаточно гомогенное этническое образование, и вычлнить те его черты, которые отличают его, с одной стороны, от русских России, а с другой — от других народов, проживающих в Узбекистане.

Сам по себе эссенциалистский подход (описывающий коллектив, члены которого консолидированы на основании разделяемого ими всеми чувства «национальной», «религиозной» или иной общности, как некое единое целое), возможно, в некоторых случаях и неплох. Однако — именно в тех случаях, где степень консолидации внутри таких коллективов достаточно высока. Подобное, как отмечает В.А. Тишков, наблюдается у народов, которые в какой-то исторический момент обретают «некий общий символ-демиург, который становится почти всеобщей характеристикой личностных представлений. Например, для многих армян — это геноцид начала XX в., для многих евреев — холокост Второй мировой войны, для чеченцев — сталинская депортация. Однако подобная идентификационная уния, как правило, на основе комплекса виктимизации порождается и бытует в условиях кризисов и непосредственных внешних угроз»².

Имеется ли «идентификационная уния» среди русских, проживающих в Узбекистане?

На этот вопрос, по всей видимости, можно ответить отрицательно. Собственно, эта ситуация характерна для русских не только в Узбекистане. Как пишет З.И. Левин, «для нынешней русской диаспоры в странах СНГ и Балтии характерны предельная разобщенность, неспособность к сплочению и лоббированию своих интересов... Это связано с тем, что русские пока еще составляют там этнический конгломерат, не имеющий осознанного прошлого и общинного интереса»³.

¹ Абдуллаев Е. Русские Узбекистана — городской субэтнос (опыт социокультурного анализа) // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 5 (11). — С. 206–214.

² Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука, 2003. — С. 118–119.

³ Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). — М.: Институт

В отношении Узбекистана это особенно верно, поскольку русские здесь никогда не представляли собой этнического единства.

Во-первых, они прибывали на территорию Узбекистана миграционными «волнами» в рамках достаточно длительного исторического отрезка – фактически столетия. Этим они значительно отличаются, например, от корейцев и крымских татар, чье прибытие на территорию Узбекистана носило однократный характер (в результате депортации) и тем самым создало «символ-демиург», связанный с коллективной памятью.

Более того, с каждой новой волной миграции возникало определенное напряжение на бытовом уровне между новоприбывшими русскими и теми, кто проживал в городах Узбекистана не одно десятилетие: напряжение между урбанизированными русскими, успевшими проникнуться сознанием своей «европейскости», и новоприбывшими, многие из которых были выходцами из деревень и небольших городов. Последние не только были «пришлыми», но и стояли, с точки зрения русских городских старожилов Узбекистана, на более низкой ступени «культурной» лестницы. Подобное напряжение имело место и в начале 30-х гг., когда русские в Узбекистане (большой частью – высококвалифицированные рабочие, военные, инженеры, чиновники, многие из которых проживали в городах Узбекистана во втором поколении) столкнулись с наплывом почти полумиллиона русских из сельских районов Поволжья и Украины. Еще более значительное напряжение возникло с единовременной миграцией в Ташкент значительного числа строителей из России после землетрясения 1966 г. При этом, правда, с годами новоприбывшие также повышали свой социальный статус, воспринимая идентичность «европейцев» и «элиты» и стремясь, чтобы их дети получили хорошее образование и т. д. Однако «швы», оставленные как разным статусом на момент прибытия в Узбекистан, так и разным сроком проживания в нем, во многом препятствовали внутриэтнической консолидации.

Два «слома» идентичности. Другим фактором, затрудняющим анализ русских Узбекистана в категориях единого «этноса» или «субэтноса», является достаточно «конструированный» характер этой группы. В последнее время часто приходится читать о «сконструированном» характере современных среднеазиатских народов, причем в роли «конструкторов» прямо или косвенно указываются русские (вводившие этнические классификаторы при переписи, осуществлявшие «национально-территориальное размежевание», писавшие или помогавшие создавать «национальные истории» и т.д.)¹. Однако не следует забывать, что и сами «конструкторы» – русские в Средней Азии, и особенно в Узбекистане, – также представля-

---

Востоковедения РАН; Издательство «Крафт+», 2001. – С. 44.

¹ См., например: *Ильхамов А.* Археология узбекской идентичности // Этнический атлас... – С. 268–302 (а также материалы дискуссии по данной статье в журнале «Этнографическое обозрение» // ЭО. – 2005. – №1. – С. 23–101); *Абашин С.Н.* Население Ферганской долины (к становлению этнографической номенклатуры в конце XIX – начале XX в.) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты / Отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2004. – С. 38–101.

ют результат социально-этнического конструирования. За столетие их пребывания в Узбекистане как минимум дважды менялся ряд важных идентификационных критериев.

С момента завоевания Туркестана до утверждения в Узбекистане советской власти такими идентификационными критериями служили, в частности, (а) православие, (б) компактное расселение в новосозданных населенных пунктах (либо в новых, «европейских» районах в старых городах) и (в) совершенно отличные от принятых у местного населения одежда, быт и т.д.

Что же касается языка, то он отнюдь не играл той важной идентифицирующей роли, какую станет играть позже. Для подавляющей массы не- и полуграмотного автохтонного населения¹ русский был просто чужим языком. Среди самих русских также отсутствовала единая языковая норма. Высший класс, как правило, свободно изъяснялся по-французски; многие из сельских переселенцев говорили на говорах и диалектах.

В последующие семьдесят лет (до начала 90-х) идентификационные критерии претерпели значительные изменения. Исчезло в качестве перво-степенного признака православие. Благодаря строительству новых и кардинальной перепланировке старых городов русские перестали проживать в городах «отдельно» от автохтонного населения. Наконец, в силу ускорившихся процессов модернизации, а также притока представителей других «европейских» национальностей в Узбекистан, «европейская» одежда, дома и быт перестали восприниматься как сугубо «русские».

На первый план выдвинулись другие признаки. Прежде всего, высокий уровень *лояльности* партии и коммунистической идеологии (характерно, что среди русских Узбекистана не было ничего аналогичного диссидентскому движению в Москве и некоторых других крупных городах России). Во-вторых — *русский язык*, точнее, владение русским языком как родным — и, с другой стороны, невладение узбекским. Выделение языка в качестве критерия идентичности было связано, не в последнюю очередь, с результатами политики ликвидации неграмотности, когда идентификационные границы стали проходить не только по тому, на каком языке человек говорит (в ситуации традиционного для городов Мавераннахра тюрко-персидского двуязычия язык не был «сильным» маркером идентичности), но — на каком также свободно читает и пишет.

Наконец, вообще само представление о русских как о «нации» возникло в Узбекистане только в советский период. Именно тогда возникло и укоренилось представление о нации как о группе людей, к которой обязательно было принадлежать по рождению — достаточно было просто «задекларировать» себя русским при получении паспорта. Именно таким образом русскими записывали себя в Узбекистане многие украинцы, бе-

¹ Под «*автохтонным населением*» здесь и далее будут подразумеваться не только узбеки, но и другие этнические группы, проживавшие на территории Узбекистана до российской колонизации, — прежде всего, таджики.

жавшие в 30-е от раскулачивания с Украины; многие евреи-ашкенази в 50–70-е; наконец, большинство детей, рожденных от одного из русских родителей в межнациональных браках.

Что касается узбеков, таджиков, каракалпаков и т.д., то, хотя они и не «переходили» в русские, предпочитая пользоваться теми преимуществами, которые предоставляла принадлежность к автохтонной национальности, процесс «обрусения»¹ в отношении национальной самоидентификации имел место и здесь. Многие представители автохтонных национальностей давали своим детям русские имена (либо русское имя бралось им в детстве и «использовалось» в дальнейшем наряду с «первым» именем). Кроме того, среднеазиатские народы Узбекистана достаточно спокойно относились к своим «русским» фамилиям (т.е. фамилиям с окончанием -ов/-ев, массово введенным *только* при советской власти, а также с «русским» звучанием – например, «Мадьяров» – от имени «Мадьер» или «Норов» – от имени «Нёр»). В 70–80-х гг., когда, например, в Азербайджане и, отчасти, Таджикистане наметилась тенденция «возврата» к фамилиям без русского окончания, в Узбекистане подобного не наблюдалось – даже после 1991 г. такие случаи носили единичный характер.

Иными словами, русская идентичность оказалась самой «инструментальной» – ее можно было без каких-либо сложностей (вроде крещения в православную веру, как это имело место до революции) принять, как «полностью» – через соответствующую запись в паспорте, так и «частично» – через русское имя.

Последний «слоем» русской идентичности в Узбекистане произошел в начале 90-х. С одной стороны, исчезли некоторые «советские» маркеры: прежде всего, лояльность партии и коммунистической идеологии (в силу исчезновения самих объектов лояльности). Значительно снизилась степень лояльности государству, его институтам и все более активно пропагандируемой идеологии.

Пропала значительная доля прежней «инструментальности» в отношении русской идентичности. Предельно сократились случаи принятия «русской» национальности со стороны представителей инонациональных групп – евреев, украинцев, белорусов, метисов; исчезла практика давать детям в узбекских семьях русские имена.

С другой стороны, несмотря на некоторую регенерацию дореволюционных маркеров русской идентичности – православия и обособленности проживания – они не приобрели того значения, какое имели на территории Узбекистана до революции.

Численное увеличение числа православных действующих культовых сооружений – с двух в 1985 г. до тридцати шести в 2004 г. – служит, скорее, индикатором хороших отношений, установившихся между Епархиальным

¹ Мы используем не совсем принятый в науке термин «обрусение», под которым – в отличие от «русификации» – подразумеваем сугубо добровольный, не связанный с внешним принуждением, процесс.

управлением и правительством Узбекистана, а не только усиления приверженности православию — хотя бы даже на обрядовом уровне. Кроме того, многие русские являются верующими других десяти христианских конфессий (72 организации), не считая общин Бахаи и Харе-Кришна.

Что же касается возросшей степени «компактности» проживания русских, то она вызвана исключительно социально-экономическими причинами: русские, проживавшие ранее в небольших городах и населенных пунктах Узбекистана, перебираются оттуда в Ташкент (если нет возможности выехать на ПМЖ за рубеж), именно в поисках лучше оплачиваемой работы.

Наконец, с начала 90-х возникли некоторые новые, отсутствовавшие ранее, «конструкты» идентичности русских в Узбекистане. Во-первых, их очевидный статус *меньшинства* — хотя многие русские, ощущая его, так сказать, объективно, — субъективно его отказываются воспринять. Возможно, в силу того, что, как несколько категорично отметил В.А. Тишков, «статус «меньшинства» никак не будет принят «сколками» с крупных народов, которые составляют в отделившихся государствах иногда многомиллионные массы» (добавив, что «прежде всего это касается русских»)¹. С другой стороны, узбекские власти также предпочитают не рассматривать русских как меньшинства (со всеми вытекающими отсюда международно-правовыми обязательствами по ряду документов ОБСЕ и СНГ)². Сам термин «меньшинство» в законодательстве Узбекистана отсутствует. Тем не менее, по мере того, как русское население Узбекистана все более «отчуждается» от системы управления, распределения благ и формирования «символического капитала» в государстве, а с другой стороны, все более активно используется Россией в политическом диалоге с Узбекистаном³, — русские все более приобретают черты «классического» меньшинства. Еще в 1993 г. Посол РФ в Узбекистане Филипп Сидорский призывал русских Узбекистана «осо-

¹ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. — М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. — С. 254.

² Документы ОБСЕ в области человеческого измерения, к которым относятся, прежде всего, пункты 30–40 Документа Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (29 июня 1990 г.), пункт 37 Документа Московского совещания (3 октября 1991 г.). По СНГ — в частности, в Декларации о развитии и углублении всестороннего сотрудничества между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией зафиксировано, что оба государства «предпримут все необходимые шаги, чтобы не допустить на своей территории какой-либо дискриминации национальных меньшинств». Ст. 5 Соглашения о сотрудничестве в области книгоиздания, книгораспространения и полиграфии (СНГ), подписанного 10 февраля 1995 г. в Алматы и ратифицированного Республикой Узбекистан, гласит: «Стороны будут способствовать выпуску в своих государствах печатной продукции на языках национальных меньшинств, проживающих на их территориях, поставкам и свободному распространению аналогичных изданий из других государств-участников Соглашения, в том числе на договорной основе — учебников для образовательных учреждений». Если первая часть этой статьи еще каким-то образом выполняется, то говорить о «свободном распространении» на русском языке печатной продукции, включая учебники, можно лишь с определенной натяжкой.

³ Как заявил В.В. Путин на Совете Безопасности России 21 июня 2004 г, «при нарушении прав наших соотечественников мы не должны следить за этим молча, должны соответствующим образом реагировать» (Цит. по: Нацбез.Ру, 21 июля 2004 г.).

знать свое положение национального меньшинства в независимом государстве»¹.

Вторым достаточно новым идентификационным маркером стало отождествление русского с «отъезжающим». Хотя некоторый отъезд русских из Узбекистана наметился еще в 80-е гг.,² основной отток начался, как и в большинстве других постсоветских государств, именно с начала 90-х. Эмиграция также шла волнообразно, то возрастая (с 1992 по 1995 г.), то затухая (с 1996 по 2001 г.), то снова возрастая (с 2001 г. по сегодняшний день) – в зависимости от целого ряда факторов. Главными среди них остаются:

- а) субъективно оцениваемое соотношение экономической ситуации в Узбекистане к таковой в стране, избираемой для въезда (как правило, в России);
- б) миграционные «фильтры» в избираемой стране, а также наличие в ней различных способов «постепенной» миграции (учеба, работа и т.д.), либо родственников (или друзей), способных оказать помощь «на первое время»;
- в) субъективно оцениваемая опасность «закрытия канала» – то есть ужесточение правил и условий эмиграции из Узбекистана (включая усложнение вывоза денежных средств и имущества из страны, условий продажи части имущества – например, квартиры, дачи, машины) и/или правил и условий эмиграции предполагаемой страны-реципиента.

Стоит отметить, что с лавинообразным увеличением доли узбекского населения в процессах миграции в 2000-е гг.³ образ русского как «отъезжающего» (как противопоставленный образу «коренного жителя», якобы не помышляющего ни о каком отъезде) значительно поблек. Хотя, конечно, и не исчез⁴.

Таким образом, этничность русских в Узбекистане претерпевала достаточно сложный процесс становления, вызванный как миграционными особенностями, так и специфическим преломлением в Узбекистане тех процессов, которые происходили (и продолжают происходить) с Россией. Поэтому не будем рассматривать далее русских в категориях «этноса» или «субэтноса», как это имело место в нашей предыдущей статье.

Однако два тезиса того исследования мы продолжаем разделять и сегодня; более того, находить в событиях прошедших пяти лет дополни-

¹ Цит. по: Биржевой Вестник Востока. – 1993. – 14 октября.

² С 1979 по 1989 г. численность русских впервые снизилась – на 0,7%, с 1666 тыс. до 1653 тыс. человек. См.: Кобзева О. Русские // Этнический атлас... – С. 191.

³ См.: Трудовая миграция: социальные и правовые аспекты: Мат-лы научн.-практ. семинара (3 декабря 2004 г., г. Фергана) / Отв. ред. Д.С. Азимова, Е.В. Абдуллаев. – Ташкент: Ассоциация «Центр Деловых Связей», 2005.

⁴ По некоторым данным, только за 2000–2001 гг. из Узбекистана в Россию легально переехало более миллиона русских; кроме того, ежегодно более 15 тыс. человек выезжает из страны, минуя Российское Посольство в Ташкенте (Миграция русских из Центральной Азии растет // Радио Свобода. – 2002. – 25 апреля; news.ferghana.ru/detail.php?id=244&code_phrase=).

тельные им подтверждения. Речь идет о недостаточности отождествления понятия «русский» с новоязычным понятием «русскоязычный», а во-вторых – о наличии у русских в Узбекистане «европейской» идентичности.

Сумерки «европейцев»

«Европейский» характер социокультурной среды, которую создавали и в которой жили русские в Средней Азии, отмечали многие исследователи.¹ Иногда – особенно у российских исследователей – эта констатация звучит слишком позитивно-оценочно: «В результате... миграционных волн более 30% населения республик Средней Азии составили представители европейской национальности, которые, несомненно, явились проводниками современной западной культуры»².

У Н.П. Космарской намечен более объективный подход к этому «европеизму» русских Средней Азии. Характеризуя ситуацию в Киргизии, она пишет, что «представителей «европейских» этнических групп объединяет общность исторической судьбы и тех ролей, которые они играли при этнокультурных контактах с титульными группами»,³ справедливо отмечая «не столько «русские», сколько *европейские* корни... мироощущения оказавшихся на Востоке «детей империи» разных поколений и миграционных волн»⁴. Эти «европейские корни» Н.П. Космарская видит в «чувстве превосходства к «отсталым народам», которое Россия переняла у западных колониальных держав»⁵.

В упомянутой выше нашей статье нами также был затронут вопрос о «европеизме» русских Узбекистана; были выделены и некоторые признаки этого идентификационного феномена⁶:

- проживание подавляющего большинства русских в Узбекистане в крупных городах, где процесс европеизации и модернизации шел значительно интенсивнее;
- историческая связь с европейской частью России, откуда осуществлялась основная миграция в Узбекистан (в виде сохранившихся

¹ См., например: *Shorish M.M.* Who shall be educated: selection and integration in Soviet Central Asia // The nationality question in Soviet Central Asia / Ed. by E. Allworth. — New York; Washington; London: Praeger Publishers, 1973. — P. 98; *Buttino M.* General Introduction // In a collapsing Empire: Underdevelopment, Ethnic Conflicts and Nationalism in the Soviet Union / Ed. by M. Buttino. — Milan: Fondazione Giangiacomo Feltrinelli, 1993. — P. xxi.

² *Жилина А.Н.* Взаимодействие традиционной и общеевропейской культуры в современной жизни народов Средней Азии // Ислам и народная культура. — М.: Координационно-методический центр «Народы и культуры» института этнологии и антропологии РАН, 1998. — С. 107–108.

³ *Космарская Н.* «Русские диаспоры»: политические мифологии и реалии массового сознания // Диаспоры. — 2002. — №2. — С. 143.

⁴ *Космарская Н.* Чем мы были друг для друга? История межкультурных контактов глазами жителей современной Киргизии // Диаспоры. — 1999. — №2. — С. 217.

⁵ Там же.

⁶ См. *Абдуллаев Е.* Русские Узбекистана... — С. 212–213.

родственных связей, либо аффективной, запечатленной в семейных фотоальбомах, рассказах, памяти);

- принадлежность к восточно-европейским традициям христианства и владение языком, относящимся к европейской группе языков;
- стремление ориентироваться на Запад, западные стандарты и ценности в гораздо большей степени, чем большинство автохтонного населения; значительно больший индивидуализм, настрой на социальную конкуренцию и критицизм;
- наконец, достаточно высокий образовательный и профессиональный уровень, также ориентированный на европейские стандарты (кстати, группы в вузах Узбекистана, в которых обучение ведется на русском языке, до сих пор официально называются «европейскими потоками»).

Стоит отметить, что определенную роль в формировании «европейской» идентичности русских в Узбекистане, в их стремлении получить, либо дать детям высшее образование сыграли и те представления о престижности/непрестижности труда, которые имелись у местного населения. В соответствии с традиционными производственными отношениями, физический труд подсознательно воспринимался автохтонным населением как удел *рабов* — за исключением сельскохозяйственного труда, поскольку последний был связан с собственностью на землю. Иными словами, узбек-колхозник, подвергаясь в советское время даже более кабальной эксплуатации, нежели рабочий на промышленном предприятии, все же не считался с точки зрения традиционных ценностей рабом, поскольку имел личный приусадебный участок и, тем самым, возможность «работать на себя». Рабочие же, а также представители других, связанных с физическим трудом, профессий (сантехники, уборщицы и т.д.), даже имея более высокий доход, чем дехкане, все же занимали в представлении об «уважаемости» работы у автохтонного населения значительно более низкую ступень. И это, безусловно, чувствовали и сами русские, получая тем самым дополнительный стимул для повышения своего статуса в глазах нерусского населения.

Впрочем, высшее образование и престижное место работы в каком-либо министерстве, вузе и т.д. нередко помещало русских в систему неформальной эксплуатации со стороны начальства или даже коллег (как правило, титульной национальности) — в виде выполнения различных дополнительных работ. Это могли быть работы, чье выполнение входило в обязанности самого начальника, либо членов коллектива, которые, в силу каких-либо причин¹, не могли эти работы выполнить. Это создало

---

¹ Например, недостаточного профессионального уровня; наличия «высоких» покровителей; выполнения каких-либо других, также не входящих в их прямые обязанности, «услуг» для начальника — например, помощь в проведении его семейных мероприятий; в «женских» коллективах — частого отсутствия сотрудниц по беременности или уходу за ребенком и т.д.

достаточно распространенный феномен «белых рабов», с психологической убедительностью описанный недавно В. Муратхановым¹.

Вместе с тем, стоит отметить, что «белым рабом» не обязательно становился русский или представитель какой-либо другой некоренной национальности. Им мог быть и узбек, и таджик, имеющий, с одной стороны, высокий образовательный уровень и опыт работы, а с другой – молодой и/или не имеющих достаточно «сильных» родственных или земляческих связей на уровне более высокого (нежели то, которое их «эксплуатирует») руководства. Кроме того, институт «белого рабства» основан не столько на принуждении, сколько на определенном партнерстве. За выполнение «сверхнормативной» работы «белый раб» мог получать различные бонусы – как «символические» (подчеркнуто-корректное или даже доверительное отношение начальства, уважительное – со стороны коллектива), так и вполне «материальные» (премии, «престижные» командировки и т.д.). Наконец, не следует забывать, что аналогичный институт имеет место и в России – в Узбекистане он лишь наложился, в силу упомянутых причин, на «этническую» карту.

Подытоживая, можно сказать, что «европейская» идентичность русских – сохранявшаяся, кстати, в отличие от других идентичностей, о которых писалось выше, на протяжении всего периода проживания русских на этой территории, – была связана с процессами модернизации и вестернизации, отразившихся в развитии административной системы, промышленности, системы образования, здравоохранения и т.д. И, надо отметить, что пока в суверенном Узбекистане процессы демодернизации и традиционализации не стали столь ощутимы, «европейская» идентичность русских продолжала достаточно успешно сохраняться и воспроизводиться.

Административная система. Действительно, вплоть до конца 90-х еще предпринимались, пусть не всегда последовательные, попытки развития, или, по крайней мере, сохранения того модернизационного потенциала, который был накоплен Узбекистаном в советский период. Кроме того, в результате суверенизации шло разрастание административного аппарата, возникновение новых и дробление старых министерств и ведомств, в результате чего возникла потребность в квалифицированных управленческих кадрах. Учитывая, что значительная часть управленцев-узбеков в начале 90-х ушла в сферу предпринимательства, «кадровый голод» в административной системе испытывался достаточно остро. В этой связи русским предстояло сыграть на какое-то время роль «мобилизованной диаспоры» (*mobilized diaspora*, термин Дж. Армстронга²).

¹ См.: Муратханов В. Первородный грех колониста... // magazines.russ.ru/druzhba/2005/8/mu9.html

² Armstrong J.A. The Ethnic Scene in the Soviet Union: The View of Dictatorship // Ethnic minorities in the Soviet Union / Ed. E. Goldhagen. – New York; Washington; London: Frederik A. Praeger, Publishers, 1968. – P. 7.

Более того, с открывшейся возможностью относительно свободно выезда в командировки за рубеж и работы с западными партнерами на многочисленных совместных предприятиях и т.д., сознание своей «европейскости» у русских Узбекистана только усилилось¹. Хотя в аналогичные процессы были активно вовлечены и представители автохтонной национальности, однако у последних это, как представляется, было менее коррелировано с приятием или неприятием европейской идентичности — по крайней мере, пока они оставались в Узбекистане и сохраняли «включенность» в традиционные институты родства, землячества и т.д.

К 2000-м рост государственного аппарата замедлился. Перестали возникать новые министерства и ведомства; в условиях бюджетных трудностей было предпринято несколько попыток сократить разросшийся аппарат. Хотя сообщения о том, что данные сокращения приводят к тому, что руководители «избавляются» от русских подчиненных, значительно преувеличены, однако косвенным образом это все же происходит. Сокращения штата все более режиссируются как своеобразный «смотр» лояльности и преданности сотрудников своему руководству. В этой ситуации русские сотрудники вынуждены поступаться своей «европейской» идентичностью (включающей ценности индивидуализма, важности собственного мнения, критицизма и т.д.). Многие уходят, не желая становиться «белыми рабами», либо будучи недовольны тем, что условия этого «рабства» все более кабальны и все менее выгодны.

Сокращение в административном аппарате представителей неавтохтонных этносов — в основном русских — становится все очевидней (табл. 2). С середины 90-х число управленцев высшего звена нетитульной национальности сократилось: почти втрое в Кабинете Министров, в полтора раза — в министерствах и более чем вдвое — в других ведомствах. Особенно значительно — до нуля оно сократилось в органах местной власти (хокимы и зам. хокимов областей, а также районов г. Ташкента). Что касается Олий Мажлиса (законодательного органа), то здесь количество некоренных элит традиционно никогда не было значительным (даже в советское время, в 1990 г., количество представителей нетитульных наций было 23%).

---

¹ Это, по-видимому, характерно не только для Узбекистана. На основании социологических исследований в ряде постсоветских городов, Ю.В. Арутюнян пришел к выводу о «неизбежности «вестернизации» русского населения в ближнем зарубежье» (Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. — М.: Наука, 2003. — С. 97).

Таблица 2

Доля представителей нетитульных наций среди руководящих кадров госслужащих Узбекистана (в 1996 и 2003 гг.), %¹

	Олий Мажлис ²	Кабинет Министров	Министерства	Комитеты и ведомства ³	Объединения, банки, концерны, корпорации, агентства	Хокимияты
1996	5,3	12,3	8,4	9,9	16,4	5,6
2003	3,8	3,4	5,1	4,4	7,7	0

Следует оговориться, что само по себе уменьшение численности некоренных элит не является следствием возрастающего консерватизма госаппарата. Во-первых, многие из «убывших» русских руководителей, работая в административном аппарате еще с 60–70-х годов, не уступали в своем консерватизме руководителям — представителям титульной нации. Более того, не чувствуя за собой — в отличие от большинства своих коллег титульной национальности — семейно-родственной или земляческой поддержки, руководители-«европейцы» проявляли зачастую еще больший консерватизм и осторожность в администрировании.

Все же, сокращение числа таких руководителей в госструктурах не прямо, но косвенно связано с процессом усиления консерватизма и традиционализма этих структур. Как бы русские управленцы не приспособились к традиционализирующейся административной системе, они все равно остаются более вестернизированными, нежели большинство руководителей титульной национальности.

Бизнес. Русские госслужащие, как и в советское время, значительно хуже, чем госслужащие автохтонных национальностей, интегрированы в различные «неформальные» связи административного аппарата с бизнесом, за счет которых госчиновники получают дополнительные прибыли (что в ситуации с неадекватно низкой зарплатой у управленцев становится единственным для них источником дохода). Развитие этих «теневых» сторон административной системы привело к тому, что в начале 2000-х окончательно сформировалась своеобразная пирамида, нижнюю часть которой занимают мелкие и средние бизнесмены, платящие многочисленным откупам представителям контролирующих органов. На верхние этажи данной пирамиды русские, как правило, не допускаются как «чужие» (т.е. несвязанные сетями родства, личной преданности

¹ *Источник:* Подсчитано на основе справочников «O‘zbekiston Respublikasining Oliy Majlisi, Vazirlar, Mahkamasi, Korakolpog‘iston Respublika Vazirlar Kengashi, Viloyatlar va Toshkent Shahar Hokimlari, Respublika Vazirliklari, Davlat K‘umitalari, Markaziy Muassasalari, Kompaniyalari, Korporatsiyalari, Banklari, Kontsernlari, Uyushmalari va Boshqa Davlat Hamda Jamoat Tashkilotlari Rahbarlari Telefonlarining Ro‘ihati» за 1996 и 2003 гг. При подсчете возможна незначительная погрешность.

² Президиум, председатели и секретари комитетов, зав. отделами и их заместители.

³ В том числе генеральная прокуратура, высшие суды, академии.

и землячества). Что же касается нижних этажей, то именно русских бизнесменов сильнее всего затронул первый виток жестких ре-приватизационных действий со стороны госаппарата в 2000–2003-е гг. В результате кампании по наведению законности и недопущению утечки валютных ресурсов за рубеж сотни мелких бизнесменов были привлечены к различным видам ответственности, а тысячи были вынуждены прекратить свой бизнес. Хотя эти меры не имели какого-либо национально-дискриминационного характера и среди этих бизнесменов большую часть составляли узбеки, все же те «правила игры», которые возникли в бизнесе в начале 2000-х, фактически исключают наличие «игроков», не связанных прочными родственными или клиентальными связями с верхним этажом административных и силовых структур.

Как и в случае с административным аппаратом, русские не «изгоняются» из бизнеса – они сами становятся неспособными вписаться во все более возвращающуюся к до-индустриальным и до-модернизационным формам экономику. Это, опять-таки, не исключает их участие в бизнесе – но именно в качестве наемных работников (аналога «белых рабов» в госучреждениях): бухгалтеров, официантов, уборщиц, парикмахеров...

Образование. Подобное снижение социального статуса русских, в свою очередь, сопряжено с другим демодернизационным процессом, а именно: со *снижением прежнего качества и престижа образования*. Кроме низкой зарплаты преподавателей и вызванного этим оттока квалифицированных преподавательских кадров, наблюдается резкое падение социального престижа «дипломированного специалиста» в обществе. Хорошее образование перестало рассматриваться как гарантия или предпосылка получения престижной или хотя бы просто адекватно оплачиваемой работы. С другой стороны, для получения действительно качественного образования даже там, где оно бесплатно, требуются все более высокие косвенные расходы – на приобретение учебной литературы, дополнительных занятий на платной основе и т.д. Хорошее образование становится все более затратной и все менее окупаемой «инвестицией», позволить себе которую могут либо очень обеспеченные люди, либо те, кто надеется вернуть себе вложенные инвестиции за пределами Узбекистана. При этом, кроме растущей косвенной дороговизны «бесплатного образования», система все менее образовывает и все более контролирует учащегося.

Происходит сокращение системы высшего образования. Если в 1990 г. в вузах обучалось около 15% молодежи Узбекистана, то в 1998 г. – только 5% (в то время как в других постсоветских государствах этот процент возрос и составил, например, около 28% в России и на Украине и 25% в Кыргызстане)¹. С 1998 г. также происходило снижение численности студентов вузов, особенно аспирантов и докторантов. Лишь около 10% выпускников школ продолжают учебу в высших учебных заведениях. Количество желающих поступить в узбекистанские вузы в несколько раз превышает коли-

¹ См.: Uzbekistan. Common Country Assessment. – UN, 2003. – P. 22.

чество принятых. Так, в 2003 г. только около 30% из подавших заявления на дневные отделения выпускников школ стали студентами (в США этот показатель составляет 60–65%, в Японии — около 60%).¹

Стоит отметить, что правительством неоднократно предпринимались попытки модернизировать систему образования, приблизить ее к «мировым стандартам»: например, введение системы тестирования при поступлении, двухуровневое высшее образование (бакалавриат и магистратура), реконструкция помещений колледжей, компьютеризация, отправка студентов на обучение за рубеж. Однако все эти меры носят «внешний», «фасадный» характер и не затрагивают те стагнационные процессы, которые нарастают внутри системы.

Все это ограничивает русских в воспроизводстве статуса «образованной элиты». С одной стороны, получить качественное образование все труднее и дороже, с другой — само наличие такого образования уже не означает автоматически ни социальный престиж, ни возможность успешного трудоустройства по специальности. Все большее число русских абитуриентов стремится получить образование за пределами Узбекистана — на Западе, в России, и даже в соседних Казахстане и Киргизстане. Причем получение высшего образования в этих странах, как правило, рассматривается русскими абитуриентами из Узбекистана (и их родителями) как «первый шаг» к эмиграции; следующим шагом становится получение работы, затем вида на жительство или гражданства, а затем и «перетягивание» оставшихся в Узбекистане родственников. Подобные «сценарии» имели место и в советское время (когда учеба в вузах Москвы или Ленинграда являлась для наиболее честолюбивых молодых людей «стартовой площадкой», чтобы в дальнейшем «зацепиться» в этих городах), однако подобные случаи в отношении выходцев из Узбекистана все же не носили массовый характер. В 90-е же, и особенно — с конца 90-х учеба за пределами Узбекистана стала для подавляющего большинства поступающих прелюдией к трудовой миграции, а затем и к миграции на ПМЖ в страну / город обучения. Можно сказать, что с той же закономерностью, с какой европейская идентичность русских усиливалась ранее при иммиграции в Узбекистан, теперь она толкает русских на эмиграцию из него.

Процессы в сфере образования вполне аналогичны тем, которые происходят в административной системе и бизнесе — а именно: постепенная деинтеллектуализация, усиление системы контроля над личностью (как студента, так и преподавателя), огосударствление и запрет на частное высшее образование и т.д. Наблюдаются в системе высшего образования и другие консервативные черты, присущие административной системе — ставшее притчей во языцех взяточничество; превращение преподавателя в чиновника, вынужденного заполнять бесконечные «рейтинговые листы» и писать подробные планы своих лекций.

¹ См.: Фиолетов С. Система высшего образования в Узбекистане переживает кризис (news.ferghana.ru/detail.php?id=462413658012092, 26.05.2004).

В этом же контексте происходит и другой процесс, тесно связанный как с модернизацией, так и с положением русских. Речь идет о *дерусификации*.

«Русскоязычие» и парадоксы дерусификации

Мы сознательно не затрагивали этот аспект, поскольку существует значительный соблазн объяснять дискомфорт русских и их отчуждение от социально-экономической жизни в потере русским языком своего прежнего статуса. Как мы постарались показать выше, ситуация с этим отчуждением гораздо более сложная и многофакторная, причем фактор языка не является на сегодняшний день определяющим ни в идентичности русских, ни в их стратегии оставаться в Узбекистане либо эмигрировать.

«Русскоязычные». Более того, мы сохраняем мнение, высказанное нами и ранее,¹ что сам термин «русскоязычные» не является удачным для анализа — он может быть термином *практики*, но не *теории*.

Действительно, кто и какие группы охватываются этим термином?

А.В. Михайлов, автор статьи «Русскоязычное население» в словаре «Национальные отношения» (1997 г.), определяет его как «категорию населения в дореволюционной России и СССР, для которого русский язык из языка межнационального общения постепенно становится родным языком»². Это определение способно вызывать некоторое удивление: к 1997 г. СССР уже лет пять как канул в небытие, а с ним, видимо (следуя из определения), и русскоязычное население, а русский язык все еще *становится* родным для этих исчезнувших граждан (да еще — *постепенно*). Отметим, однако, то, что более важно: в термин «русскоязычное население», судя по данному определению, не попадают сами русские.

Напротив, Н.П. Космарская сближает термины «русский» и «русскоязычный», отмечая, что в обоих случаях речь идет об одной «этносоциальной группе»³.

Такой почти противоположный взгляд на содержание термина «русскоязычные» отчасти объясним различием методологических подходов. А.В. Михайлов стоит в своем определении на очевидно примордиалистских позициях (поскольку для него люди, для которых русский язык является родным, все же не имеют права считаться русскими — только потому, что для их предков русский родным не был), тогда позиция Н.П. Космарской ближе конструктивистской парадигме. Определяя «русскоязычных» как «этносоциальную группу» (куда входят и русские), Н.П. Космарская совершенно справедливо оговаривает, что «основной акцент тут делается не на «этническом», а на «социальном», учитывая общность их (т.е. русско-

¹ См.: Абдуллаев Е. Русские Узбекистана... — С. 212.

² Михайлов А.В. Национальные отношения: Словарь / Под ред. В.Л. Калашникова. — М.: Московский институт национальных и региональных отношений, 1997. — С. 151.

³ Космарская Н. Чем мы были... — С. 214.

язычных. — **Е.А.**) исторической судьбы и в особенности нынешнего социально-экономического положения, когда они резко поменялись местами с титульным этносом в ходе радикального перераспределения властных и экономических рычагов»¹.

Но в этом важном уточнении критерий языка (присутствующий в термине «русскоязычный») как раз красноречиво *отсутствует*. Что же касается «исторической судьбы» и «социально-экономического положения», обусловленного доступом к «властным и экономическим рычагам», то все это, как мы постарались показать выше, связано с процессами модернизации и демодернизации Средней Азии и «европейской» идентичностью русских. Последняя, кстати, разделяется не только представителями других «европейских» этнических групп Узбекистана (евреями-ашкенази, поволжскими немцами, украинцами, поляками и т.д.), но и значительным числом обрусевших представителей автохтонного населения, чья «русскость» может проявляться не только — и даже не столько — в языке, сколько в выборе телепередач, музыки, друзей, компаньонов, постоянных сексуальных партнеров и т.д. (что же касается термина «русскоязычный», то его, на наш взгляд, можно использовать лишь как лингвистический, либо социолингвистический термин).

Дерусификация в образовании. Именно в очерченном выше контексте — демодернизации и ретрадиционализации Узбекистана — языковая дерусификация действительно играет определенную роль. Особенно это очевидно в системе образования, и без того, как было рассмотрено выше, переживающей стагнационные процессы. Динамика дерусификации начального и среднего образования показана в табл. 3.

Таблица 3
Число школ с преподаванием на русском языке и количество учащихся в них в 1992 и 2003 гг.²

Область	1992				2003			
	Число школ	В % к общему числу школ	Число учащихся	В % к общему числу учащихся	Число школ	В % к общему числу школ	Число учащихся	В % к общему числу учащихся
Каракалпакская Республика	53	15,9	16813	13	44	11,9	10211	6,4
Андижанская	62	9	26792	6,8	40	5,6	13292	2,4
Бухарская	29	6,7	17103	4,8	30	5,5	8749	2,5
Джизакская	45	10	12070	6,9	23	4,5	10648	4,3
Кашкадарьинская	43	4,6	15079	3,5	22	2,1	6152	1
Навийская	37	14	23156	19	27	9,3	14561	8
Наманганская	35	5,9	16859	5	31	4,5	14830	3

¹ Космарская Н. Чем мы были... — С. 214.

² Источник: подсчитано на основании статистических данных Министерства народного образования.

Самаркандская	100	8,3	42915	8,8	52	4,6	23728	3,3
Сурхандарьинская	37	5,3	11529	3,7	19	2,5	4293	0,8
Сырдарьинская	90	25,8	16548	13	51	14,6	8889	5,8
Ташкентская	237	27	95329	25,4	183	19,6	53578	11,4
Ферганская	63	8,2	30632	6,4	49	5,7	46229	6,8
Хорезмская	23	4,8	10815	3,6	16	3	8015	2,3
Г. Ташкент	197	45,8	150452	46,8	164	38,6	118646	32,3
Всего	1055	12,5	487048	11,5	751	8,2	341821	5,9

За двенадцать лет – с 1992 по 2003 г. – количество школ с преподаванием на русском языке в Узбекистане сократилось в полтора раза (с 1055 до 751), а процент учащихся этих школ к общему числу учащихся сократился почти в два раза (с 11,5 до 5,9). При этом в Андижанской, Самаркандской и Хорезмской областях этот процент сократился почти втрое, а в Сурхандарьинской области – почти вчетверо, достигнув самого низкого показателя по стране – 0,8%. Таблица в неявной форме отражает и другую тенденцию – чем территориально ближе та или иная область к столице, Ташкенту, где русский язык продолжает сохранять определенные позиции в административной и деловой элите, тем больше родителей стремятся обучить своих детей русскому языку. Это относится к Сырдарьинской, Джизакской, Ташкентской областям и, естественно, к самому Ташкенту. Исключение составляет Навоийская область, где до сих пор проживает значительная русскоговорящая диаспора; особое удивление вызывают статистические данные по Ферганской области, согласно которым и количество «русских» школ, и число учащихся в них детей за последние годы возросло. Впрочем, общая тенденция характеризуется сокращением обучения на русском языке.

Аналогичные процессы заметны и в высшем образовании. Как пишет А. Кудряшов, «Русские отделения в вузах гуманитарного профиля занимают лишь около 9%, а в технических – не более 25% мест от общего числа учащихся. И весьма значительную часть учебной программы составляет штудирование идеологической литературы. Тогда как их выпускники в последнее время гораздо чаще ищут и находят себе работу в сфере обслуживания, чем в государственных учреждениях»¹.

При этом, однако, как показывают последние исследования, количество желающих изучать русский язык по всей республике остается достаточно высоким – более 90%². Русский язык – через российские СМИ, старые библиотечные фонды, более качественное образование в «русских» школах – продолжает, несмотря на все ограничения, сохранять привлекательность; имеются причины и более прагматичного характера. В результате пришедшейся на начало 2000-х массовой трудовой миграции узбекского населения в Россию и Казахстан, потребность в хорошем знании русского языка резко возросла. Внутри самого Узбекистана русский язык

¹ Кудряшов А. Исповедь русского... (ИА «Фергана.Ру», 19.04.2004. ferghana.ru/detail.php?id=2808).

² См.: Россия – Узбекистан: с верой в будущее // Труд-7. – 2004. – №35. – С. 6.

остаётся вторым — после английского — «рабочим» языком международных организаций-доноров и большинства СП.

Однако, как и в случае с квотированием мест в вузах, обучение русскому языку и на русском языке продолжает жестко регламентироваться системой образования. При этом ограничение места русского языка в системе образования не компенсируется ни модернизацией узбекского языка (в котором, напротив, под знаменем борьбы с «русизмами» воскрешается архаизированная арабская и персидская лексика), ни распространением английского языка. Как заметил известный узбекский поэт Сабит Мадалиев: «Не могу представить, что уже завтра все мы станем говорить по-английски так же, как говорим по-русски»¹.

Сфера применения русского языка в 2000-е сузилась и в результате стагнационных процессов в экономике, приведших к сужению рекламного бизнеса, в котором русский (как язык со значительно «большой», нежели узбекский, аудиторией) играл значительную роль². Кроме того, низкий уровень доходов большинства жителей Узбекистана (наряду с цензурными ограничениями) все более затрудняет доступ к носителям информации на русском языке (книгам, газетам, интернету и т.д.).

Постепенно начинают сказываться последствия перевода узбекской письменности на латиницу: с начала 2000-х рынок труда стали пополнять молодые специалисты-узбеки, получившие образование на латинской графике, а потому не могущие свободно писать на «кириллическом» узбекском, не говоря уже о русском. Хотя первоначально латинизация алфавита мыслилась как «западный» проект — как отмечалось в законе о ее введении, она «направлена на создание благоприятных условий, ускоряющих всесторонний прогресс республики и вхождение ее в систему мировой коммуникации»³, — на деле она привела к обратным результатам. Значительный массив переводной литературы с европейских языков, опубликованный в советское время и имеющийся в библиотеках Узбекистана на русском и «кириллическом» узбекском, из-за перехода обучения на латиницу становятся все менее доступным для учащихся. В то же время, носители информации на западных языках остаются недоступными в силу сохраняющегося низкого уровня владения этими языками и отсутствия, из-за дороговизны, этих носителей в библиотеках и свободной продаже.

¹ <http://news.ferghana.ru/detail.php?id=461066187019162>

² Как отметил узбекистанский исследователь Ю.В. Подпоренко, «можно сказать, что реклама как составная часть торгово-экономической сферы является одним из ведущих функциональных средств для поддержания позиций русского языка» (*Подпоренко Ю.* Бесправен, но востребован. Русский язык в Узбекистане // *Дружба народов.* — 2001. — №12. — С. 181–182). Эту особенность в функционировании русского языка отмечают и российские социолингвисты — В.М. Алпатов (*Алпатов В.М.* 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. — М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000. — С. 189) и А.А. Космарский (*Космарский А.* Русскоязычное студенчество Ташкента в зеркале социолингвистики // *Дiasпоры.* — 2004. — №2. — С. 78).

³ Преамбула Закона «О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике» от 2 сентября 1993 г.

Таким образом, дерусификация оказывается тесно связанной с процессами демодернизации в экономике, образовании, управлении и других сферах общества, которые и приводят к все более заметному «отчуждению» русских от социальной и экономической жизни. Кроме того, в случае дерусификации отчуждение происходит от самой «среды обитания», от того насыщенного символами и значениями «жизненного мира», в котором русские жили в Узбекистане на протяжении многих десятилетий. И здесь, опять же, стоит говорить не просто о вытеснении из этого «символического ландшафта» русского языка (и символов русской культуры) – узбекским языком, сколько о ре-традиционализации этого ландшафта.

Отчуждение от города

Как писал о современных городах выдающийся немецкий архитектор Пауль Шеербарт, «мы живем по большей части в замкнутых пространствах. Это и формирует ту среду, в лоне которой возникает наша культура. В определенной степени наша культура представляет собой продукт нашей архитектуры»¹. Изменение городской «среды» Узбекистана – не только архитектурного облика, но и топонимики, транспортных и пешеходных путей, типа озеленения – оказало и продолжает оказывать, на наш взгляд, достаточно ощутимое влияние на самоощущение русских, проживающих в этих городах (особенно в Ташкенте).

Переименование. В результате мероприятий по переименованию не просто сократилось до минимума количество топонимов, содержащих «русские» имена. Почти исчезли улицы, чьи имена были связаны с именами городов прежних социалистических республик или известными людьми из этих республик. Сократились названия, отражающие ценности индустриальной эпохи.

Безусловно, советская топонимика, с ее казенностью и обезличивающим однообразием вряд ли была достойна сохранения. Однако сформированная ею карта Ташкента, пестревшая не только русскими, но и казахскими, таджикскими, украинскими, белорусскими, немецкими именами (хотя и связанными с какой-либо идеологической «заслужей»), все же была гораздо более космополитичной, нежели та, которая возникла в результате переименования. Поскольку большинство улиц и площадей и т.д. было построено либо в колониальный, либо в советский период, смена названия происходила не как возвращение прежнего имени, а как присвоение имени существовавшего в доурбанистический период на данном месте сельского поселения или же какого-либо исторического лица из досоветской (как правило, средневековой) истории Средней Азии. В результате города Узбекистана покрыла сеть новых названий, отсылавших к догородским, доиндустриальным и средневековым реалиям, к тому же, не «выходящим» за границы современного Узбекистана.

¹ Цит. по: Фрисби Д. Разрушение города: социальная теория, мегаполис и экспрессионизм // Логос. – 2002. – №3–4.

Могут возразить, что само по себе наличие подобного рода названий не является признаком демодернизации, поскольку их достаточно и в индустриально развитых городах Запада. Однако в случае городов Узбекистана, и особенно Ташкента, речь идет не просто о наличии архаизирующих топонимов, возникших естественным путем вместе с теми улицами, районами и т.д., которые ими обозначаются (как, например, площадь Хадра в Ташкенте — термин, обозначающий некогда место «суфийского радения, публичной рецитации религиозных текстов»¹; случайно или нет, это название сохранилось в советское время, а на площади был построен цирк...). Речь идет о широкомасштабном и достаточно быстром переименовании прежних, как правило, первоначальных топонимов новыми — архаизирующими и культурно-автохтонными.

Как отмечает Б. Сидиков, процесс переименования как топографических, так и иных реалий отразил возрождение «типичных для средневековья духовных и социальных структур... Бывшие председатели облисполкомов стали называться хокимами (наместниками), облисполкомы — хокимиятами, а республиканские министры — вазирами (визирями)... Показательно, что и в сознание русскоязычных слушателей, среди которых много узбеков, через русскоязычные передачи узбекского радио активно внедряется средневековая лексика, когда вышеуказанные слова, а также такие слова как «вилайет» (область), «туман» (район) и т.д., оставляют без перевода на русский. В эфире так и звучит «Самаркандский вилайет», «Среднечирчикский туман»...»².

В результате происходит своего рода отчуждение русских от топографии того места, где они живут; от города, как «пространственно оформленной социологической сущности» (определение Георга Зиммеля).

Перестройка и перепланировка. Демодернизационная и дерусифицированная топография тесно сопряжена с аналогичными процессами в другом измерении символического пространства обитания — ландшафта городов Узбекистана, прежде всего, Ташкента.

Как и в случае с процессами, происходящими с административной системой, системой образования, бизнесом и т.д., процессы перекройки городского ландшафта обусловлены сочетанием, как минимум, трех интересов элит:

- создание образа сильной власти;
- обеспечение безопасности этой власти от возможных покушений на нее;
- обогащение части административных элит и афилированных с ними строительных и прочих коммерческих структур за счет строительных заказов.

¹ См.: Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм: краткая история / Пер. с англ. М.Г. Романов. — СПб.: Диля, 2004. — С. 413.

² Сидиков Б. Истоки современной религиозной ситуации в Узбекистане // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — №5 (11). — С. 64.

Изменение урбанистического ландшафта в Узбекистане — тема отдельного исследования. В рамках же данного, стоит отметить то, что подобное изменение с конца 90-х сказывается на самоощущении русских в Узбекистане не менее травматически, нежели ограничение сферы применения русского языка или переименование улиц.

Если сооружение помпезных административных зданий в принудительно-восточном стиле, явно копирующих образцы ориентализированной «сталинской» архитектуры, может вызывать раздражение лишь у единиц, то повсеместное обнесение административных зданий высокими оградами, перепланировка городского центра и т.д. вызывает гораздо более массовую депрессивную реакцию. Люди перестают «узнавать» привычные дома и улицы, привычные маршруты городского транспорта и т.д. Учитывая, что у русских Узбекистана, с их достаточно сильной «городской» идентичностью (при слабости «гражданской», «узбекистанской»), сильна аффективная связь с привычным городским ландшафтом, который является для них более чем просто «малой Родиной», можно понять чувство отчуждения, возникающее при «перекройке» этого ландшафта.

Безусловно, центральная часть крупных городов Узбекистана — и Ташкент, в первую очередь — далеко не первый раз подвергается подобной тотальной реконструкции. Достаточно вспомнить, насколько значительным — и не всегда оправданным — был снос зданий и перепланировка городского центра после ташкентского землетрясения 1966 г. Тем не менее, эти травматические процессы компенсировались тем, что тысячи горожан получали новое благоустроенное жилье; кроме того, Ташкент из колониально-туземного «Вавилона» превращался в современный модернизирующийся город¹, чему, кстати, немало способствовала хотя и обезличенно-массовая, но вполне отвечающая духу «модернити» архитектура в стиле Ле Корбюзье. Напротив, современная перестройка и перепланировка затрагивают только административные комплексы, и потому воспринимаются русским населением как очередное возведение «потемкинских деревень».

Озеленение. Кроме того, при перепланировках обычно вырубается высокие лиственные деревья (либо у них обрубаются половина ветвей); новые лиственные деревья почти не высаживаются. Озеленение города — далеко не второстепенный для городской идентичности русских элемент. Именно с иммиграцией русских началось плановое озеленение улиц узбекских городов лиственными деревьями с густой кроной, которые не только давали столь ценную тень, но и формировали городской пейзаж, близкий пейзажу европейской части России. Скрытое, а местами и открыто выражаемое недовольство вызвало у русского населения вырубание в начале 2005 г. городскими службами зеленой изгороди перед многоквартирными домами; кроме тени, изгородь формировала некое закрытое от посторонних глаз приватное пространство.

¹ Как пишет ташкентский литератор В. Поплавский, «кто знает, не случись оно (землетрясение. — **Е.А.**), сколько бы Ташкент влачил существование самой глинобитной столицы мира» (Поплавский Б. Кашгарка. — Ташкент, 2004. — С. 37).

Было бы совершенно неверным считать, что все эти мероприятия власти по преобразованию городского ландшафта сознательно направлены против русских, либо вызывают недовольство только у русских. Многие горожане-узбеки также не приветствуют их, считая напрасной и разорительной тратой бюджетных средств; недовольны перепланировкой улиц, доставляющей неудобство водителям и т.д.

С другой стороны, у многих русских, живущих на окраинах или не имеющих огороженных живой изгородью участков, или лишь изредка бывающих в центре и т.д., отмеченные выше процессы не вызывают абсолютно никакой реакции. Более того, приходится констатировать, что с усилением трудовой миграции из Узбекистана с 2000–2001 гг., когда стали уезжать именно наиболее активные, молодые, трудоспособные, — среди «оставшихся» все больше число маргинализированных, пассивных и инертных лиц. Но это, собственно, и является результатом того отчуждения русских — причем не только от властных рычагов, но и от экономических и информационных потоков, от среды обитания, и в конечном итоге — от собственной идентичности: «русской», «европейской», «ташкентской» или какой-либо другой...

* * *

В начале 90-х основной опасностью для будущей модернизации в Узбекистане многим представлялся приход к власти либо исламистов, либо националистов; и тот, и другой сценарий выглядел для нетитульного и неисламского населения, большинство которого составляли русские, крайне нежелательным. Отчасти именно этими опасениями была обусловлена та значительная лояльность, которую демонстрировали русские Узбекистана в отношении правящего режима, сумевшего вытеснить с политической сцены наиболее активных религиозных и националистических лидеров. Однако постепенно, вместо «исламской» и во многом отличной от нее «националистической» модели демодернизации, начала постепенно срабатывать ее авторитарно-бюрократическая модель, воспроизводящая как наиболее консервативные черты советской системы образца 70-х годов, так и многочисленные досоветские и доколониальные практики. Эта модель не предполагает ни «исламизации» русских, ни их ассимиляции и «узбекизации»; однако результаты ее реализации для русских Узбекистана не менее ощутимы: некоторые из них мы затронули выше.

Стоит еще раз подчеркнуть, что в Узбекистане нет в отношении русских какой-либо «жесткой кадровой дискриминационной политики» или «курса на подталкивание к миграции»¹. Сама традиционализирующаяся система — а не политика или курс — стала «выталкивать» наименее интегрированные в нее элементы, каковыми, в том числе, были и функционеры, предприниматели, студенты и т.д. нетитульной национальности. В чем мы можем согласиться с Б. Румером, это в констатации того, что «с исходом

¹ Румер Б. Центральная Азия — десять лет спустя... — С. 42.

русских разрушается созданная за почти полтора столетия культурная атмосфера вестернизированной, наиболее социально активной части общества в городах Узбекистана»¹.

Насколько далеко зайдут эти процессы, покажет будущее.

---

¹ Румер Б. Центральная Азия – десять лет спустя... – С. 43.

РУССКИЕ В КИРГИЗИИ: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Л.Ю. Немешина,

*кандидат исторических наук,
доцент Киргизско-Российского Славянского
университета
(г. Бишкек)*

Современное состояние мировой цивилизации, ориентированное на интеграцию, развитие и укрепление экономических, политических и гуманитарных связей между государствами, не способствует успешному государственному строительству в условиях изоляции либо конфронтации между странами и этносами. Интеграция человеческих ценностей, нравственных идеалов разных народов возможны лишь в условиях сближения и взаимозависимости государств.

Официально провозглашенный и получивший конституциональное закрепление, зафиксированный в многочисленных международных обязательствах стратегический политический курс Киргизстана декларирует строительство демократического, правового государства, защищающего интересы и достоинство всех граждан многонационального общества. Однако создаваемое после распада СССР государство в Киргизии приобретает все более очевидные признаки этнократического.

В Киргизской Республике процесс перехода к новому, демократически открытому обществу является историческим событием, значение которого чрезвычайно велико для народов, проживающих в государстве. Процессы демократизации, обновления всех сфер жизни, начавшиеся на начальном этапе государственного строительства, открыли, в частности, новые возможности для изменения условий жизни всех этнических групп.

В Киргизской Республике проживают представители свыше восьмидесяти этносов. Кроме этноса, давшего название республике, — киргизов, здесь более полутора века живут и трудятся около миллиона представителей славянских народов (русские, украинцы, белорусы), а также узбеки, казахи, немцы, дунгане и многие другие. Многовековое совместное проживание стало фундаментом для дальнейшего межэтнического сосуществования в суверенном и независимом Киргизстане.

В полиэтническом государстве всегда создается особая межэтническая атмосфера. Многонациональные государства требуют постоянного пристального внимания со стороны общественности. От этого зависят межэтническое согласие и стабильность, являющиеся условиями этносоциального, а значит, и общего прогресса. Своевременное решение возникающих проблем в сфере межнациональных отношений — одна из приоритетных задач любого многонационального общества. В полиэтническом обществе, каковым является Киргизстан, создается особая межэтническая атмосфера, от направления приоритетных векторов которой

зависят межэтническое согласие и стабильность, являющиеся условиями этносоциального прогресса. Активный рост самосознания национальных меньшинств, формирование национально-культурных и общественных движений, возрождение этнических традиций и тех форм культуры, которые латентно функционировали в течение многих десятилетий, другие явления, связанные с названными процессами, буквально за несколько лет самым существенным образом изменили этнокультурную и общественно-политическую ситуацию в Киргизии.

Для того чтобы адекватно оценить современное состояние государства, качество преобразований политической и социально-экономической системы, определить перспективы его развития, нужно знать структуру, особенности мышления и поведения, культуру народа, его национальные ориентации и многие другие этнические аспекты.

Изучение многонационального населения республики, а в Киргизстане проживают, как уже упоминалось, представители свыше восьмидесяти этносов, возможно путем исследования его составных элементов – этнических групп, составляющих единый народ Киргизстана.

Национальный вопрос, чрезвычайно сложный и многообразный в своих проявлениях - один из наиболее важных в общественной жизни. Его решение возможно только с учетом других факторов развития общества. Межнациональное взаимопонимание в нашем государстве, как и в любом другом полиэтническом пространстве, – важный социально-психологический фактор развития общества. Решение национального вопроса способствует развитию политической и социально-экономической жизни общества. Актуальность изучения этой проблемы многоаспектная и не вызывает сомнения. Необходимость такого рода исследования подтверждена развитием современной жизни нашего общества, а также последними событиями, связанными с миграционной ситуацией русскоязычного и русского населения, дискуссиями о принятии двойного гражданства, развитием кыргызско-российских отношений, исторически сложившейся ролью русских в социально-экономической сфере общества. Изучение культурных черт русских, проживающих вне России, как составной части общего фонда русской культуры, необходимо также для характеристики культурных особенностей русской нации в целом.

История сложения русской группы на киргизской земле достаточно продолжительна. Первые поселения русских в регионе известны с начала XIX в. Однако хронологические рамки начального этапа формирования этой группы определяются обычно серединой XIX в. Именно в этот период уместно говорить о появлении у изучаемой группы так называемых «диаспориальных признаков»: этнического самосознания, территориальных особенностей материальной и духовной культуры, поведенческих признаков, отмеченных еще современниками переселенцев: «...коренное русское население азиатских владений империи, состоящее из потомков их завоевателей и первых засельщиков, носит на себе глубокие следы своего ис-

торического прошлого, существенно и во многих отношениях отличающие его от коренного русского населения Европейской России. В их характере под влиянием новых условий появляются некоторые особенности: большое сознание собственного достоинства, самоуверенность, вызванные влиянием природы и соприкосновением с инородческими племенами»¹.

Обратимся к моменту проникновения русских в край и попытаемся осмыслить место и роль данной этнической группы в историческом процессе формирования киргизской государственности. При этом определим: русские Киргизстана – кто они?

Первыми русскими, ступившими на киргизскую землю, были путешественники, географы, дипломаты. В их плееду входят П.П. Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914), первый русский ученый, проникший в Центральный Тянь-Шань, изучавший природу и быт Киргизстана, зоолог и путешественник Н.А. Северцов (1827–1885), совершивший на территорию Киргизстана три экспедиции, И.В. Мушкетов – первый геолог Тянь-Шаня, А.П. Федченко (1844–1873), путешественник, исследователь быта, особенностей хозяйства киргизов южной части края, дипломаты И.С. Ушковский (1717–1825), Г.И. Рычков (1712–1877), Ф. Ефремов (1750–1811) и другие. Подвижников, направлявшихся в регион, было много: в течение XIX в. в край были организованы более 40 специализированных комплексных экспедиций (геологических, почвенно-биологических, гидротехнических). Известно немало сообщений о научно-теоретической и практической деятельности русских исследователей по изучению горного края².

Относительно сложения этнической группы русских, приобретшей диаспоральные черты, нужно отметить, что проникновение этой категории русских в край следует датировать началом XIX в., именно в этот период представители группы начинают массово заселять отдельные территории Средней Азии и Казахстана.³ В этот период немногочисленные группы русских находились в основном в западных, восточных и северных областях современной территории Казахстана, где проживало около 129,2 тыс. че-

¹ Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом. – СПб., 1914. – С. 178.

² Проблематике русского сподвижничества в культурной сфере в Киргизии посвящен ряд исследовательских работ, см., например: *Лебедев А.К.* Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество 1842–1904. – М., 1972; П.П. Семенов-Тянь-Шаньский, его жизнь, деятельность. – Л., 1928; *Лунин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент, 1965; *Воропаева В.А.* По тропе времени. – Бишкек, 2003; История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1990; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М.: Вост. лит., 1997; *Лунин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент: Наука, 1965; Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь / М.К. Басханов. – М.: Вост. лит., 2005; *Колесников А.А., Матвеева М.Ф.* Ош глазами русских исследователей. – Бишкек, 2003; *Колесников А.А.* Русские военные исследователи Азии. – Душанбе: Дониш, 1997; *Его же.* Исследователи Центральной Азии // Вестн. АН Каз.ССР. – Алма-Ата, 1990. – №11; *Его же.* Востоковедная деятельность русских офицеров (конец XIX – начало XX вв.) // *Мат-лы XVIII научной сессии по историографии и источниковедению.* – СПб., 1995 и др.

³ *Брук С.И., Кабузон В.Н.* Динамика численности и расселения русского этноса. 1978–1917 // Советская этнография. – М., 1982. – №4. – С. 10–11.

людей из числа русских — дворян, штатских служащих, мещан, купечества, крестьян, казаков, духовенства, горнозаводских рабочих, старообрядцев.¹

На значительной части Средней Азии, в том числе на территории Киргизстана, массовое переселение русских происходило лишь с середины XIX в. В переселении (середина XIX — начало XX в.) отмечались периоды как активизации, так и спада.

Начальный период переселенческого движения на территорию Киргизстана (1860–1890 гг.) характеризуется появлением крестьянских переселенческих поселений в Чуйской и Таласской долинах, в Прииссыккулье и на юге республики. Первое крестьянское поселение Аламедин в Чуйской долине было основано на линии почтового тракта в 1868 г., где водворились около 300 семей, прибывшие из Воронежской губернии. В последующее десятилетие аналогичные селения появляются на Иссык-Куле: Преображенское (низовье Тюпа), Сазановское (на р. Кунгей Аксу), Каракол и др.

Второй этап переселенческого движения русского населения в Киргизию (1897–1905 гг.) характеризуется вольной колонизацией, сопровождавшейся неорганизованностью и стихийностью, хотя центральные правительственные власти, конечно, регулировали переселенческие потоки в Туркестанский край. В целом, по данным 1897 г., русские были представлены по трем областям Туркестана в следующих пропорциях: Семиреченская — 95,4 тыс. человек, Ферганская — 9,8 тыс. человек, Сырдарьинская — 44,8 тыс. человек². Переселенцы-крестьяне из числа русских третьего этапа (1906–1910 гг.) по своему социальному составу отличаются от таковых двух предыдущих периодов. До 1906 г. основная их масса принадлежала к среднеобеспеченным, бедняцкому крестьянству, а зажиточные крестьяне составляли меньшинство. Данные обследований переселенческих поселков 1906–1908 гг. свидетельствуют о новой тенденции, когда половину переселенцев составили разорившиеся крестьяне-бедняки: 23,3% «заведомо бедняцкие слои крестьянства, имеющие до 2 десятин земли»³. Это, в свою очередь, способствовало формированию социально активного слоя общества и изменению социального состава русских Киргизстана. В регионе формируется относительно стабильная этносоциальная группа. Самовольное переселение и оседание крестьян на новой территории вели, в том числе, и к формированию отношений, не предусмотренных царской колониальной политикой.

В период столыпинских реформ заселение русскими региона приобрело массовый характер. О значении переселения в приросте населения Северного Киргизстана этого периода можно судить по данным областных и уездных переселенческих организаций края и местной администрации. Если с 1861 по 1885 г. в край переселилось около 300 тыс. человек, а

¹ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии в последней четверти XVIII в. — 60-х гг. XIX в. — М., 1980. — С. 166.

² Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом. — СПб., 1914. — Т. 1. — С. 82.

³ Галузо П.Г. Туркестан — колония (Очерки истории Туркестана от завоевания русских до революции 1917 года). — М., 1929. — С. 102.

в 1885–1905 гг. более 1,5 млн. человек, то в 1906–1910 гг. — свыше 2,5 млн. человек¹.

Четвертый период переселенческого движения в край (1911–1917 гг.) — следующий этап в формировании русской группы Киргизстана. Принятие закона 1910 г. определяет его основное содержание: продолжение осуществления политики «нового курса» в аграрной сфере. По сути, этот закон утвердил права на неограниченное изъятие земель «излишних для кочевников» и передачу их «во введение главного управления землеустройства и земледения... в видах наилучшего обеспечения интересов кочевого населения»². Продолжалось насаждение хуторской и отрубной системы хозяйства с «политическим преобладанием в Туркестане русской народности, что должно быть закреплено и хозяйственной ее силой»³. В целом, с 1906 по 1916 г. для переселенцев было отведено: в Семиреченской области — 974 участка (1 481 558 десятин), в Сырдарьинской — 31,3% земель, в Ферганской — 1 041 участок (749 855 десятин земли)⁴.

С начала переселения формируются и основные этносоциальные признаки русской группы. В производственно-отраслевой структуре Киргизстана уже с середины XIX — начала XX в. характер хозяйственных занятий дифференцированно приобретал городскую и сельскую направленность, что в первую очередь было связано с увеличением числа городов и численности городского населения. Уже в это время русские вносят свой решающий вклад в индустриальную летопись истории Киргизии. В 90-х гг. в край проникают промышленные, финансовые и торговые предприниматели, инвестирующие в разработку природных богатств края, развитие сельскохозяйственных отраслей, открытие банков и торговых учреждений. Развитие капиталистических отношений способствовало появлению и расширению в крае промышленного сектора, а также общему росту производительных сил. В этот же период здесь появляются и первые представители русского рабочего класса, способствовавшие развитию в крае кустарного производства, появлению небольших промышленных предприятий. Это люди, которые «ищут применения своему труду, закладывают зерно промышленной колонизации наших окраин»⁵. Именно они стояли у истоков формирования «промышленной элиты» русских Киргизстана.

Следует отметить, что на этом этапе уже отчетливо наблюдается тенденция к сложению определенных этнических признаков, характеризующих материальную культуру русской группы. Именно в начальный период формирования зарождаются историко-социальные, культурные, нравственные особенности русских Киргизстана, наблюдается сложение их эт-

¹ Хелимский Е.И. Переселенческое движение в Киргизстан (вторая половина XIX — начало XX в.) // Русские в Киргизстане. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. — С. 86.

² Там же.

³ Фомченко А.П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX — начале XX в. (социально-экономический аспект). — Ташкент, 1983. — С. 69.

⁴ Материалы по земельному вопросу. — Петроград, 1918. — С. 30.

⁵ Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. — СПб., 1912. — С. 3.

нического самосознания. Это было отмечено еще современниками переселенцев: «...Коренное русское население азиатских владений империи, состоящее из потомков их завоевателей и первых засельщиков, носит на себе глубокие следы своего исторического прошлого, существенно и во многих отношениях отличающие его от коренного русского населения Европейской России. В их характере под влиянием новых условий появляются некоторые особенности: большое сознание собственного достоинства и самоуверенность»¹. Уже в этот период идет деление на «старожилов» и «новоселов», при этом первые, являясь коренными жителями, обладают рядом характерных черт, обусловленных «влиянием природы и соприкосновением с инородческими племенами»².

Советский период формирования этнической группы – этап количественного роста русских в Киргизстане, а также качественного изменения их места в социально-политической, хозяйственной и культурной жизни республики, когда происходит формирование субкультуры русских. Процесс формирования национального сознания русских Киргизстана был обусловлен рядом факторов, в числе которых изменение географических и природно-климатических условий жизни. Расселение русских в регионе, появление региональных отличительных характеристик в хозяйстве и быте, оказали влияние на сложение особенностей русского характера, приобретшего азиатские черты, наряду с сохранением исконно «русских черт характера»³.

Формирование русской группы Киргизстана советского периода целесообразно ограничить временными рамками, довольно обширного отрезка времени, условно делимого на двадцатилетия. Каждый из подпериодов характеризуется определенными качественными изменениями социальной роли русских в общественно-политической структуре государства.

Для первого постреволюционного двадцатилетия (20–40-е гг.) характерна значительная миграция населения, вызванная, с одной стороны, голодом, разрухой, политическими гонениями в центральных областях России, а с другой – спланированной правительственной политикой переселения квалифицированных рабочих и специалистов в «отсталые» районы для осуществления промышленной перестройки и освоения природных богатств края.

Таким образом, переселенческая политика правительства по-прежнему оставалась приоритетным фактором роста русского населения республики, хотя не последнюю роль в миграции русских занимало и так называемое «индивидуальное переселение» в южный край. В этот период наблюдается тенденция формирования новых отличительных черт и качественных показателей русских Киргизстана: производственная ориентация группы, рост промышленной культуры и образования

¹ Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом. – СПб., 1914. – С. 178.

² Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом. – СПб., 1914. – С. 179.

³ Подопригора В.М., Краснопевцев Т.И. Русский вопрос в современной России // Вопросы философии. – 1995. – №6. – С. 66.

этнических русских, повышение их профессиональной роли в промышленном секторе республики. Так, если в 1926 г. русские составляли 24,9% общей численности рабочего класса республики, то к 1939 г. в 125-тысячном отряде рабочих численность русских увеличилась до 42,9 %.¹ Переселившиеся из России преподаватели, врачи, инженеры, техники, ученые, квалифицированные рабочие, деятели культуры, наряду с представителями других национальностей, сыграли заметную роль в становлении и развитии основных отраслей промышленного сектора, здравоохранения, образования, науки и культуры республики. Для этнической русской группы характерен также и высокий процент представленности в среде работников сельского хозяйства.

Численный состав русских Киргизстана в следующий период, 50–70-е гг. имел устойчивую тенденцию роста. В целом, в 1926–1979 гг. доля русских, проживающих вне РСФСР, во всем русском населении СССР возросла с 6,7% до 17,4%².

Важным фактором количественного роста русских Киргизстана являлся и естественный прирост. Наиболее результативными оказались показатели в 60-е гг., когда естественный прирост составил 9,4%³, опередив по значимости количественного роста миграцию как основной источник увеличения численности русских республики. Хотя, по мнению ряда исследователей, увеличение русского населения в Киргизстане было обусловлено не столько его естественным ростом, сколько этнотрансформационными процессами, то есть идентификацией себя с русскими части украинского и белорусского населения⁴ и фиксацией в документации новорожденных детей от национально-смешанных браков русских с представителями других этносов в пользу русской национальности.

Объективными факторами количественного роста русских в этот период можно также считать оседание эвакуированного населения из районов центральной России; миграцию трудовых ресурсов из центральных российских областей на окраины, открывающие перспективы профессионального роста и увеличивающие численность вакантных мест в регионе; высокую материальную базу расширяющегося производства.

В следующее десятилетие, 80-е — начало 90-х гг., темпы прироста русского населения Киргизстана сокращаются, что было обусловлено сложившейся в этот период в СССР в целом демографической обстановкой, когда в естественном движении населения произошло снижение рождаемости. Прирост числа русских в общей численности населения республики отмечался с 50-х гг., когда он опережал аналогичные показатели по

¹ Кравченко Т.Ф. Участие русских и других славянских народов в промышленном развитии Киргизстана в 20–30-е гг. XX в. // Русские в Киргизстане. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. — С. 123–124.

² Русские: этносоциологические очерки. — М., 1992. — С. 18.

³ Орусбаев А. Этноязыковая ситуация в Киргизии // Очерки языковой практики в Киргизии. — Фрунзе: Илим, 1985. — С. 10.

⁴ Русские: этносоциологические очерки. — М., 1992. — С. 28.

всему среднеазиатскому региону. По данным переписи 1959 г., доля русских в населении Киргизстана составила 30,2%¹. В 1970–1979 гг. показатели прироста достигли отметки 6,5 %, что составляло 56 тыс. человек и почти соответствовало среднему показателю по стране². А к 1979 г. удельный вес русских снизился до 25,9%, что было обусловлено более высоким естественным приростом у киргизского населения в сравнении с русским.

С середины 80-х гг. кризисные явления в обществе, связанные с резким спадом экономики, усилением этнократических настроений, социальной напряженностью, разжиганием локальных национальных конфликтов, стали причиной усиления миграционных процессов во всех союзных республиках, в том числе и в Киргизстане. Отток русских из региона привел к тому, что их доля в населении республики быстро снизилась до 21,5%³. Но, несмотря на снижение удельного веса русских в населении республики, Киргизстан по-прежнему выделялся среди всех среднеазиатских республик наиболее высокой количественной долей представителей данной группы. Аналогичная ситуация, связанная с сохранением высоких численных показателей русских в населении республики, сохраняется практически до конца 80-х гг., что наглядно видно из табл. 1.

Таблица 1
Доля русских в населении республик Средней Азии, %⁴

Республики	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Киргизстан	30,2	29,2	25,9	21,5
Таджикистан	13,3	11,9	10,4	7,8
Туркмения	17,3	14,5	12,6	9,5
Узбекистан	13,5	12,5	10,8	8,4

Уменьшение численности русского населения Киргизстана определялось, главным образом, социально-политической ситуацией, имеющей тенденцию к коренным преобразованиям в стране. В начале 80-х гг. приток русских в республику уменьшился, а с середины 80-х гг. наблюдается отток русскоязычного населения из республики, что и снижает показатели численности русских. Так, за десятилетие 1979–1989 гг. численность русских возросла лишь на 0,5%, их количество составило 916,6 тыс. человек⁵, а в южных регионах республики произошло сокращение численности русского населения. В 80-е гг. процесс сложения и развития группы характеризовался дальнейшим повышением степени концентрации русских в столице (г. Фрунзе) при

¹ Население СССР. — М., 1989. — С. 124–129.

² Субботина И.А. Русская диаспора: Численность, расселение, миграция // Русские в новом зарубежье: Киргизия. — М., 1995. — С. 57.

³ Население СССР. — М., 1989. — С. 124–129.

⁴ Таблица рассчитана по: Население СССР. — М., 1989. — С. 124–129; Субботина И.А. Русская диаспора: численность, расселение, миграция // Русские в новом зарубежье: Киргизия. — М., 1995. — С. 58–60; Ситнянский Г. Киргизия: национальные проблемы внутренние и внешние // Центральная Азия. Независимый общественно-политический ж-л. — 1998. — №3 (15). — С. 77; Киргизстан в цифрах: Стат. сб. 1995. — Бишкек, 1997. — С. 18.

⁵ Субботина И.А. Русская диаспора: численность, расселение, миграция // Русские в новом зарубежье: Киргизия. — М., 1995. — С. 56.

очевидном одновременном сокращении их доли в городском населении. Такая ситуация была обусловлена множеством факторов: общий отток русского населения из республики, увеличение миграционного потока киргизского населения в города, более высокие показатели естественного прироста киргизов в сравнении с русскими. Так, если доля русских в городах республики в 1979 г. составила 35,5%, то в 1989 г. она увеличилась до 37,2%, при этом в населении г. Фрунзе составляла 61,6% и 55,8% соответственно¹.

При этом следует отметить увеличение доли старожильческого населения русских Киргизстана. К 1989 г. более половины городского русского населения было представлено уроженцами этих мест². Ситуация в среде сельского русского населения была аналогичной. И, следовательно, можно говорить об уже устоявшейся структуре русских, претерпевшей некоторые изменения в последующий период развития группы в условиях суверенного Киргизстана.

В целом на протяжении 1959–1989 гг. динамика численного состава русских Киргизстана имела тенденцию роста при уменьшении общей доли прироста в структуре населения и сохранении довольно высокого удельного веса в населении республики в целом (табл. 2).

Таблица 2
Динамика численности русских в Киргизстане (тыс. чел.)³

Годы	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	Прирост за период (%)		
					1959–1970	1970–1979	1979–1989
	623,6	855,9	911,7	916,6	37,2	6,5	0,5

Советский период стал отдельным и особым этапом сложения этносоциальных признаков русских Киргизстана. Этот период отличали относительно стабильная динамика численного роста, оформление социально-профессиональной структуры, качественные изменения места и роли русской этнической группы в социально-политической, хозяйственной и культурной жизни республики. Одновременно он характеризовался перманентным формированием диаспорального национального сознания, которое выразилось в появлении региональных отличительных черт в хозяйстве и быте, оказавших, в свою очередь, влияние на особенности русского характера, приобретшего, наряду с сохранением исконно «русских черт»⁴ и азиатские черты.

¹ Субботина И.А. Русская диаспора: численность, расселение, миграция // Русские в новом зарубежье: Киргизия. — М., 1995. — С. 61.

² Там же. — С. 62.

³ Таблица составлена по: Субботина И.А. Русская диаспора: численность, расселение, миграция // Русские в новом зарубежье: Киргизия. — М., 1995. — С. 58–60; Население СССР. — М., 1989. — С. 124–129; Киргизстан в цифрах: Стат. сб. 1995. — Бишкек, 1997. — С. 18.

⁴ Подопригора В.М., Краснопевцев Т.И. Русский вопрос в современной России // Вопросы философии. — 1995. — № 6. — С. 66.

С 1991 г. изменения политического, экономического, социального характера привели к коренным переменам в жизни нашего общества. Распад СССР, демократизация и суверенизация бывших союзных республик, объявление конституционными и законодательными актами их независимости изменили условия существования и развития этнических групп, составлявших единый советский народ. Это обусловило трансформацию места и роли русских на всем постсоветском пространстве, в том числе и в Киргизстане.

Подъем национального самосознания, резкий спад экономики, ухудшение социальных условий, усугубленное перераспределением собственности, рост безработицы, инфляция, падение уровня жизни спровоцировали социально-экономическую нестабильность, социальный дискомфорт и резко усилили миграционные процессы, пик которых пришелся на 1993 г., когда из Киргизстана выехало 120,6 тыс. человек¹ – 89,9 тыс. человек из которых составляло русскоязычное население².

На начальном этапе периода суверенизации причиной миграции русского населения из республики стало значительное ухудшение социально-экономической базы государства. В 1989–1993 гг. наблюдается снижение национального дохода и объемов промышленного производства, резкое увеличение потребительских цен, стремительная инфляция. Так, с 1991 по 1994 г. среднегодовой рост цен составил 822,7%³, что при резком сокращении производства привело к стагнации основных отраслей промышленности. К концу 1994 г. число официально зарегистрированных безработных достигло 70,6 тыс. человек⁴.

Перечисленные факторы были основной причиной миграции русскоязычного населения из региона. Факторный ряд миграционных настроений можно дополнить изменением статуса данной группы населения – развитием социального дискомфорта, вызванного принятием «Закона о государственном языке» 23 сентября 1989 г., понизившего значение и роль русского языка в жизнедеятельности многонациональной республики. В этом же ряду – усиление этноцентристской доминанты в создании нового независимого государства. Освобождение от занимаемых должностей некоторых представителей русскоязычного этноса стало социальным фоном для потенциальных мигрантов.

Интенсивность миграционных процессов этого периода привела к сокращению общей численности населения Киргизстана. Так, если в 1993 г. в Киргизстане проживало 4502,0 тыс. человек⁵, то в

¹ Социально-экономические проблемы миграции населения Киргизской Республики (1991–1996 гг.). – Бишкек, 1997. – С. 77.

² Там же. – С. 85.

³ Там же. – С. 37.

⁴ Там же. – С. 37. Этот показатель не отражает реального положения – число безработных достигло отметки гораздо выше 200 тыс. человек.

⁵ Этнический мир: Информационно-аналитический бюллетень. – Бишкек, 2000. – Май. – С. 6–7.

1994 г. — 4462,6 тыс. человек¹. И если в 1993 г. в республике проживало 840,5 тыс. человек русской национальности, то к 1994 г. их количество сократилось до 756,3 тыс.². К началу десятилетия, по статистическим данным на 1990 г., в республике проживало 917,5 тыс. русских³.

В уменьшении численного состава русского населения во второй половине 90-х гг. немаловажную роль, как и ранее, играет сокращение естественного прироста этнической группы. Довольно высок процент смертности русского населения, составивший, например, в 1994 г. 12,9 человек на 1000 человек населения⁴, что является одним из наиболее высоких показателей среди аналогичных по республике.

В целом, количественные показатели представителей группы, а также удельный вес русских в населении республики в обозначенный период показан в табл. 3.

Таблица 3
Численность русских в населении Киргизстана в 90-е гг., тыс. чел.⁵

Годы	Все население	Киргизы	Русские	Доля в общей численности населения (%)		
				Все	Киргизы	Русские
1990	4367,2	2298,4	917,6	100	53,0	21,2
1991	4422,2	2371,6	905,4	100	54,0	20,6
1992	4484,5	2450,4	888,7	100	55,0	20,0
1993	4502,0	2526,4	840,5	100	56,6	18,8
1994	4462,6	2595,7	756,3	100	58,6	17,1
1995	4483,4	2656,1	720,0	100	59,7	16,2
1996	4512,4	2720,8	707,5	100	60,3	15,7
1998	4574,1	2781,1	698,1	100	60,9	15,2
1999	4822,9	3128,1	603,2	100	60,6	12,5

1990-е гг. стали переломным этапом в развитии русской группы Киргизстана. В этот период произошло качественное изменение устоявшихся традиций этнической группы. Выезд представителей русского этноса из республики отразился не только на качественном составе группы, но и на экономическом и социальном положении государства, интеллектуально-профессиональном составе населения Киргизстана. В структуре русского населения произошли коренные изменения социального характера. Поте-

¹ Социально-экономические проблемы миграции населения Киргизской Республики (1991–1996 гг.). — Бишкек, 1997. — С. 6.

² Демографический ежегодник Киргизской Республики. 1996 год. — Бишкек, 1997. — С. 34–35.

³ Там же.

⁴ Сводный том с некоторыми итогами послевоенной переписи населения. — Бишкек, 1992. — С. 34–35. Демографический ежегодник Киргизской Республики. 1993 год. — Бишкек, 1994. — С. 70.

⁵ Таблица составлена по: Демографический ежегодник Киргизской республики. 1996 г. — Бишкек: Нацкомздат, 1997. — С. 34–36; Социально-экономические проблемы миграции населения Киргизской Республики (1991–1996 гг.). — Бишкек, 1997. — С. 6, 34–36; Киргизстан. Общая оценка состояния страны. — Бишкек, 1999. — С. 38; Основные итоги Первой Национальной переписи населения Киргизской Республики 1999 года. — Бишкек, 2000. — С. 27; Этнический мир: Информационно-аналитический бюллетень. — Бишкек, 2000. — Май. — С. 6–7.

ря высококвалифицированных работников во всех сферах общественной жизни страны, трудоспособного русского населения, являющегося одним из участников процесса реконструкции и развития экономики, изменения в политической и социальной жизни, отразились и на русских Киргизстана. С 1998 г. демографическая ситуация в Киргизстане претерпела особенно существенные изменения. Наблюдается стабилизация миграционных потоков, «обратный процесс», когда русские мигранты, не адаптировавшиеся к иной общественной среде, возвращаются в республику.

Таким образом, в период формирования русского населения Киргизстана, в динамике численности и расселения представителей этого этноса сложились определенные исторические характеристики, которые отчетливо проявились в преимущественной концентрации русских в северном регионе республики, в трансформации и развитии городской русской культуры, в социально-профессиональных установках, а также в отсутствии ярко выраженных мест их компактного проживания.

Одним из факторов процесса сложения национальной группы является образовательный уровень. Именно интеллектуальный потенциал народа позволяет судить о его месте и роли в истории того или иного государственного объединения. Образование, как одна из форм развития национальной культуры, служит приобщению к инациональным культурным ценностям.

Для русского населения Киргизстана, как, впрочем, и для любого другого народа, проживающего в инациональной среде, характерен более высокий образовательный уровень в сравнении с представителями национальности, проживающими на «исторической родине», то есть в России. Это обусловлено социально-профессиональными и демографическими условиями, в которых находятся представители этнических групп. Оказываясь в ситуации жестокой конкуренции, востребованности высококвалифицированных специалистов, представители этнических групп изначально ориентированы на получение образования. Немаловажную роль играют и исторически сложившиеся традиции русской интеллигенции Киргизстана, бережно передающиеся из поколения в поколение и имеющие глубокие корни, а также высокая степень урбанизации русского населения республики. Уже среди первых русских переселенцев конца XIX — начала XX в. было немало горожан со сравнительно высоким образовательным потенциалом, представителей интеллигенции, способствующих развитию таких областей знания края, как просвещение, медицина, образование. Отметим, что среди переселенцев было немало представителей русской интеллигенции со сравнительно высоким образовательным уровнем, заложивших фундамент развития целого ряда областей знания Киргизстана: образования, медицины.

С середины 50-х гг. повышается общий образовательный уровень русских Киргизстана с ориентировкой на получение среднего специального образования, причем так же как и при получении высшего образования,

приоритетным является техническое направление. Так, в 1959 г. среди русских высшее образование имели (в расчете на 1 000 человек в возрасте 10 лет и старше) 30 человек, незаконченное высшее — 13, среднее специальное — 73, среднее общее — 72, неполное среднее — 236 на 1 000 человек русского населения¹. В 1970 г. высшее образование имели 40 из 1 000 человек, незаконченное высшее — 15, среднее специальное — 90, среднее общее — 124, неполное среднее — 261 человек². В последующее десятилетие наблюдается увеличение числа имеющих высшее образование среди русского населения Киргизстана почти в 2 раза, и в 1,5 раза увеличивается число лиц, имеющих среднее специальное образование (в сравнении с показателями 1970 г.). Происходит сокращение численности русских, имеющих неполное среднее и начальное образование. Так, по данным на 1979 г., русских (в расчете на 1 000 человек в возрасте 10 лет и старше) с высшим образованием насчитывается 81 человек, незаконченным высшим — 16 человек, средним специальным — 203 человека, неполным средним — 240 человек, начальным — 226 человек³. На 1979 г. уровень занятого населения в среде русских республики по-прежнему остается высоким. Данные показатели составляют 114 человек, имеющих высшее образование, 262 — среднее специальное из расчета на 1000 человек⁴.

Для русских Киргизстана в этот период была характерна представленность в среде «массовой» интеллигенции. Находясь в инонациональной среде, русские, как правило, чаще получали образование в специальных учебных заведениях, причем технического направления, пополняя слой уже почти традиционно преимущественно русской технической интеллигенции. Второй по значимости сферой приоритетного образования для русских являлось высшее образование с ориентацией на принадлежность в дальнейшем к среде массовой интеллигенции (врачей, учителей и т.д.). При этом, и здесь русские студенты в большей степени отдавали предпочтение техническому направлению. Значительно меньше обучались по гуманитарному направлению и, тем более, выбирали в качестве основной профессии творческие специальности.

К концу 80-х гг. следует отметить снижение численных показателей образовательного уровня русских республики. Причем, происходят значительные изменения и в других категориальных характеристиках. Причиной этого было, прежде всего, увеличение численности городского киргизского населения, хотя, в общем, более высокий образовательный уровень становится характерным и для сельского населения. В составе занятого русского населения доля имеющих высшее и незаконченное высшее образование уменьшается. Доля же интеллигенции, напротив, увеличивается, что связано с сокращением числа русских, занятых физическим трудом,

¹ Русские: этносоциологические очерки. — М., 1992. — С. 238.

² Там же. — С. 236–238.

³ Итоги Всесоюзной переписи населения по Киргизской ССР. Т. 1. — Фрунзе, 1972. — С. 174–175.

⁴ Там же.

и служащих. Так, в 1989 г. доля интеллигенции составляла 31,6% из числа всех русских работников умственного труда среди городского населения, снизившись при этом на несколько пунктов по сравнению с показателями 1979 г., когда она составляла 38,1%¹. Показатели в среде «массовой» интеллигенции незначительно возросли и составили в 1989 г. 18,1%, в то время как в 1979 г. они были равны 17,9%². Незначительное численное увеличение произошло в группе художественно-творческой интеллигенции и составило 1,4% представителей русской национальности в сравнении с 1,3% на 1979 г.³ В 1989 г. показатели представленности русских в среде «научной» интеллигенции снизились и составили 2,4% по сравнению с 1979 г., когда они были равны 2,8%⁴.

Миграционные движения населения 90-х гг. оказали определенное влияние на характеристики образовательного уровня русских: происходит сокращение численности профессиональной интеллигенции, имеет место недостаточная представленность русских в иных профессиональных группах, тенденция уменьшения численности студентов русской национальности в вузах республики.

Объективно, конструктивной задачей по сохранению и развитию образовательного потенциала русских Киргизии является осознание русскими своих роли и места в общественно-политической структуре общества, повышение их социальной активности, а также формирование востребованности со стороны государства в высококвалифицированных специалистах из среды русских.

Социально-профессиональный состав русского населения Киргизстана на протяжении формирования группы имел сложную и многообразную структуру. В целом, социально-профессиональный состав русской группы Киргизстана на протяжении всего периода существования имел ряд специфических особенностей. На формирование профессиональных приоритетов русских оказывали влияние исторические особенности сложения этнической группы региона. Русские Киргизстана, являясь носителями традиций социальной среды исторической родины, в регионе приобрели такие отличительные черты, как высокая степень занятости в сельскохозяйственном секторе. Кроме того, социально-профессиональная структура русских переселенцев подверглась трансформации: увеличилось число работников, занятых умственным трудом и вовлеченных в неземледельческий сектор.

В советский период развития группы в социальной структуре русских происходят изменения, проявляющиеся в активном участии русских в развитии экономического сектора республики. В этот период изменение социально-профессионального состава местного русского населения было свя-

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения. 1979 г. Т. 4. Ч. 2. Кн. 2. – М., 1989. – С. 104.

² Там же. – С. 104.

³ Там же. – С. 268.

⁴ Там же. – С. 268.

зано с высокой степенью их трудовой занятости, выраженной в социальных характеристиках русского населения Киргизстана с середины 20-х гг. и сохраняющейся до настоящего времени. Наблюдалось увеличение числа занятого русского населения в промышленном секторе и сельскохозяйственных отраслях и сокращение числа работников, занятых умственным трудом. Это объясняется рядом объективных факторов: значительным объемом урбанизированного русского населения, его миграционной мобильностью, историческими традициями народа. В индустриальную летопись Киргизстана внесли свои имена русские специалисты, среди них ученые-геологи Д.И. Щербakov, Д.В. Наливкин, В.А. Николаев, В.Э. Поярков, которыми было изучено геологическое строение края, обнаружены запасы ископаемых и развернуты геохимические работы. В 20-х гг. начинается активное изучение истории и культуры населения республики, на это же время приходится и расцвет русского киргизоведения края: М.В. Воеводский, М.П. Грязнов, А.И. Треножкина; проводятся этнографические и археологические экспедиции. Высококвалифицированные кадры и инженерно-технический персонал из Москвы, Ленинграда, Кирова и других городов России обретали на киргизской земле не только возможность вложения своего интеллектуального потенциала, но и «малую родину». Многие выпускники центральных российских вузов, направленные в Киргизстан в 30-е гг., стали основателями киргизской высшей школы, стоящей на сегодняшний день на довольно высоком уровне и ставшей кузницей специалистов высшего уровня, высококвалифицированных кадров страны. Среди них биологи Ф.А. Турдаков, А.Г. Головкова, математики Я.В. Быков, Г.А. Сухомлинов, химик С.Е. Михина и многие-многие другие.

С 50-х гг. в социальном секторе группы происходит сокращение русского населения, занятого в сельском хозяйстве, в пользу доминирующего числа русских в индустриальной отрасли, что было вызвано высокими темпами развития экономики республики, приоритетом отдельных новых отраслей промышленного производства, а также капиталовложениями в тяжелую промышленность (машиностроение, металлообработку и др.). Низкими оставались показатели представленности русского населения в отраслях легкой и пищевой промышленности. С 70-х гг. наблюдается тенденция уменьшения численности русских работников в составе массовой и научной интеллигенции, при сохранении высоких показателей среди работников, занятых умственным трудом. Со второй половины 80-х – начала 90-х гг. трансформация общества внесла в социально-профессиональную структуру русской группы Киргизстана определенные коррективы, связанные, прежде всего, с сокращением численной представленности русских в основных отраслях экономического сектора республики, уменьшением состава занятого русского населения, снижением доли работников умственного труда среди русских, увеличением числа занятых физическим трудом.

Сложившаяся на протяжении полутора веков социальная структура русской этнической группы, включающая и определенные устоявшиеся профессиональные характеристики представителей данной этнической группы, в постсоветский период претерпела ряд существенных и даже принципиальных изменений. Положительные тенденции развития социальной структуры русских в несколько иных направлениях пока слабо развиты и не позволяют говорить о возможности для русской этнической группы занимать заметное и достойное место в общественно-политической структуре киргизского государства.

В истории существования русской группы Киргизстана происходили изменения динамики численности и представленности русских во властных структурах, т. к. социально-политическая структура региона в течение полутравекового существования группы трансформировалась от положения «царской окраины» России до обретения статуса независимого суверенного государства. На протяжении этого пути подверглись изменению и положение русских, играющих не последнюю роль в процессе государственного строительства, их социокультурный статус, роль и занимаемое место в процессе экономических преобразований. При этом как в прошлом, так и в настоящее время чрезвычайную остроту приобретает вопрос об участии представителей инонациональной среды, живущих в одном полиэтничном пространстве, в управлении.

В целом, первоначально, с момента присоединения Киргизстана к России, управление осуществлялось местной администрацией из числа русских. Изменения системы общества, связанные с революционными событиями 1917 г., явились следующим этапом в сложении русской административно-управленческой интеллигенции, обретении ею отличительных региональных признаков, а также вычленении приоритетов направления представленности. Так, на протяжении обозначенного периода русские управленцы в разной степени были представлены в высшем партийном руководстве, среди номенклатурных работников в качестве секретарей первичных партийных организаций, окружкомов и райкомов, а также в качестве управленцев в промышленном секторе республики, в кооперативно-хозяйственной и финансовой администрации. Специфика региональной представленности русской элиты заключалась в том, что русские в большей степени были представлены в числе руководителей партийного и хозяйственного звена в северном регионе республики. Причем показатели городского руководящего звена превышали аналогичные по сельской местности. Русская партийная и хозяйственная администрация была в большинстве представлена в г. Бишкек, городах Иссык-Кульской области (Каракол, Рыбачье), а в южном регионе – в г. Джалал-Абад, Ош, Кызыл-Кия. Руководители аграрного сектора из числа русских были сконцентрированы в районах Чуйской и Иссык-Кульской областей. Это было связано не только со значительной концентрацией в названных регионах русского населения, но и с масштабностью их вовлечения в инфраструктуру районов.

Следует отметить сохраняющуюся до 50-х гг. тенденцию преобладания русских руководящих работников в высших эшелонах власти, высшем партийном руководстве, в руководстве некоторых хозяйственных отраслей края при сокращении численности русских кадров в составе руководителей среднего партийного звена¹. С первой половины 50-х гг. в республике появляется тенденция увеличения количества представителей киргизской национальности в составе партийных и хозяйственных работников высшего ранга. В последующие десятилетия этот процесс внес существенные изменения в количественный и качественный состав русского контингента руководителей.

До середины 80-х гг. региональная представленность руководителей из числа русских оставалась прежней. Происходит трансформация качественного состава, когда уменьшается численность русских в партийно-государственных органах, сокращается число главных специалистов из числа русских в сельскохозяйственном секторе, в отделах науки и культуры. В то же время по-прежнему высокими остаются показатели русской управленческой администрации в промышленно-строительном секторе, где доминируют русские руководители среднего звена, а также в среде производственной научно-технической интеллигенции.

Положение русского населения в этот период нельзя оценивать однозначно. В начале — середине 90-х гг. наблюдается этнократическая тенденция в административной политике государства, преимущественно моноэтническая представленность в государственных органах власти. С другой стороны, политическая апатия, пессимистические настроения, отсутствие политической активности, доминирование представлений о нереальности решения проблем русских в Киргизстане снизили степень активности участия русских в общественно-политической жизни региона. Снижению политической активности русских Киргизстана во многом способствовало изменение статусного положения русских в социальной структуре общества. В этой ситуации часть русского населения пытается адаптироваться к изменившимся реалиям, но во многом «политическая активность» русских остается условной.

2000-е гг. в этносоциальной структуре русских Кыргызстана стали временем трансформации структурных показателей, связанных в определенной степени с изменениями общественного развития республики. В результате политики 90-х гг. доступ русских к властным структурам резко уменьшился. 74% русских, опрошенных в Киргизии, считают, что представительство русских во властных структурах недостаточно и сократилось по сравнению с советским временем². После распада Союза русские были вынуждены принять несвойственные им роль и статус этнического меньшинства. Как отмечалось выше, русские в Киргизии оказались практически исключены из политической, общественной и культурной жизни. Многие

¹ ЦГА ПД. Ф. 56. Оп. 191, 198.

² Российский вектор — 2003. Информационно-аналитический бюллетень. — М.: Российский институт стратегических исследований, 2003. — №1 (14). — С. 4.

представители этнической группы, ранее задействованные в индустриальной сфере, в связи с развалом крупной промышленности были вынуждены заняться мелкой предпринимательской деятельностью («челночеством»).

Особенности социального и профессионального состава русских на современном этапе заключаются, прежде всего, в том, что период сравнительно устойчивого социально-профессионального положения, с началом рыночных отношений завершился. Отраслевая переориентация экономики усугубила перманентный кризис госбюджетной сферы. Профессиональная представленность русских в этот период характеризуется недостатком представленности русских в целом ряде сфер – в частности, среди гуманитарной интеллигенции, а также в государственных структурах и в правоохранительных органах. Клановый характер основополагающих социальных связей киргизского общества обусловил тот факт, что в крупных рыночных структурах основные позиции в ходе рыночных реформ, включая приватизацию и распределение кредитных ресурсов, были заняты представителями киргизского этноса.

2000-е гг., в количественном отношении, для русских Кыргызстана характеризовались временем некоторого спада миграционной активности русских, сохранявшейся с 2000 по 2004 г. Этому способствовали ряд мероприятий руководства Киргизии по регулированию миграционных процессов в республике, придание русскому языку статуса официального, политика сближения и наращивания темпов киргизско-российских отношений. Определенное влияние на данный процесс оказала и определенная этносоциальная устойчивость русских как группы.

События 24 марта 2005 г., напротив, способствовали изменению сложившейся этносоциальной структуры, проявившемуся в оттоке русскоязычного населения, изменившего картину относительно стабильной миграционной ситуации. Так, бывший посол Российской Федерации в Киргизии Е. Шмагин отмечал, что: «... после событий марта 2005 г. число желающих выехать на постоянное место жительства в Россию резко увеличилось»¹. За первый квартал 2005 г. заявления на выезд из Киргизии подали 18 810 человек². Согласно данным национального статистического комитета и по оценке главы представительства Федеральной миграционной службы РФ (ФМС РФ) Ю. Еромолаева, всего в 2005 г. из республики выехало около 25 тыс. граждан, большинство которых составляли русские³. При этом, по данным представительства ФМС РФ, Киргизию продолжают покидать, прежде всего, трудоспособное население и молодежь, так, среди выезжающих

---

¹ Политическая нестабильность, проявляющаяся, как правило, в виде государственных переворотов, революций, мятежей или попыток совершения таковых, закономерно повышает миграционную мобильность населения. В 2005 г., по сравнению с 2004 г., иммиграция с Украины в Россию выросла в 2,5 раз, из Узбекистана – в 1,8 раза, из Киргизии за тот же период – в 1,5 раза.

² Примерно столько же людей (20 281 чел.) покинули республику за весь 2004 год // Regnum. – М., 2005. – 4 июня.

³ Regnum. – М., 2005. – 4 июня.

количество пенсионеров составляет 7–8%. Основная масса выезжающих — люди с высшим, средним образованием, специалисты в разных отраслях¹.

Наибольшую активность проявляют русские южных областей республики. Основными причинами отъезда люди называют отсутствие работы, сокращение русскоязычного информационного пространства, тяжелое экономическое положение. При росте безработицы найти работу можно только в одном случае — быть незаменимым профессионалом, но пределом карьерного роста будут должности экспертов, консультантов, заместителей, при полном отсутствии шансов занять руководящий пост². На севере республики, в частности в г. Бишкеке, новая волна миграции, начавшаяся после 24 марта 2005 г., объяснялась, прежде всего, фактором психологическим: мародерством и самозахватом земель в столице республики сельским киргизским населением, распространением в столице листовок антирусского содержания³.

Говоря о перспективах развития миграционной ситуации, следует отметить, что вряд ли она в ближайшее время трансформируется в сокращение миграционных потоков.

Одной из главных причин увеличения миграционных тенденций остаются социально-экономическая нестабильность и тяжелое экономическое положение, отсутствие рабочих мест, рост безработицы. Однако потребность любой из этих республик в специалистах — то, что давало и еще дает русским в Киргизии возможность выжить, — не бесконечна. В перспективе русские острее будут ощущать конкуренцию на рынке труда со стороны киргизов.

Мощным катализатором миграционного процесса, обретшего новую динамику в 2006 г., стали дискуссии по проектам новой конституции, а именно, возможное снижение статуса русского языка в республике: «язык межнационального общения» вместо «официального языка». В двух проектах конституции также регламентировалось, что высшие должностные лица Киргизской Республики на официальных заседаниях и во время официальных зарубежных визитов обязаны выступать на государственном языке. Предусматривалось, что сотрудники национальной комиссии по государственному языку будут проводить аттестацию государственных служащих на знание киргизского языка и без соответствующего сертификата нельзя будет устроиться на работу в государственные учреждения⁴.

¹ РИА «Новости». — М., 2006. — 7 февраля.

² См. подробнее: *Забелло Я.Ю., Собянин А.Д.* Русские в Киргизии: современное положение и прогноз // Профи. — М., 1999. — №11. — С. 33.

³ Руководство правоохранительных органов Киргизии выдвигало предположение, что все это имело коммерческие цели. Секретарь Совета безопасности КР М. Ниязов высказывал предположение, что кто-то хотел сделать немалые деньги на рынке недвижимости // Regnum. — М., 2005. — 4 июня.

⁴ Омбудсмен Киргизии Турсунбай Бакир уулу, говоря о смене статуса русского языка в проектах конституции с «официального» на «язык межнационального общения», назвал такое решение ошибочным и ущемляющим права русскоязычных граждан // Regnum. — М., 2006. — 27 июля.

Параллельно с дискуссиями по проектам конституции, во многом реанимировавшими болезненную общественно-политическую атмосферу конца 80-х – начала 90-х гг., Национальной комиссией по государственному языку было принято решение о том, что с 1 января 2007 г. начнется перевод всего делопроизводства на государственный язык¹. Национальная комиссия по государственному языку также выступила с инициативой, чтобы все телеканалы Киргизии перешли на национальный язык «хотя бы на 50%». При этом, по данным, полученным в результате мониторинга положения российской диаспоры в странах бывшего СССР (заказчиком проекта был МИД РФ), только 7% опрошенных владеют киргизским в совершенстве, 23% могут изъясняться с трудом и 70% не знают его вообще. Почти 50% опрошенных заявили, что в случае полного вытеснения официального языка они покинут республику. И только 27% сказали, что останутся и выучат государственный язык. Больше половины русских живут с мыслью об отъезде в Россию, и только 2% собираются остаться.

По силе миграционных настроений в Центральной Азии Киргизия находится на втором месте, уступая лишь Таджикистану. Ситуацию усугубляют националистические лозунги, которые звучат в Киргизии все чаще из уст представителей отдельных политических партий и так называемого «гражданского сектора». Ряд общественно-политических организаций и движений в начале 2006 г. создали специальный штаб по защите киргизского языка и лишению русского статуса официального. В киргизских СМИ была развернута активная кампания по пропаганде «возрождения самобытности киргизской культуры», более того, представителями «гражданского общества» неоднократно заявлялось о поддержке англоязычной культуры в Киргизии как альтернативы русской культуре. В этом направлении активно работают Фонд Сороса, **Freedom House**, **ряд местных НПО**². Понятно, что данные обстоятельства вызывают болезненную психологическую реакцию и усугубляют миграционные настроения русских.

Немаловажным фактором роста миграционных настроений является также политика правительства Российской Федерации, направленная на осуществление Указа №637 и государственной программы содействия добровольному переселению соотечественников в Россию с 1 января 2007 г.

Говоря о качественных изменениях представителей русской группы Киргизии в 2000-е гг. следует отметить изменение социально-профессионального состава, когда вследствие процессов 90-х гг. можно говорить о сложении довольно устойчивой группы представителей мелкого и среднего бизнеса, фермерства, менеджеров частных компаний. При этом, можно с уверенностью говорить о сокращении русских в среде управленцев в государственных органах, правоохранительных структурах. В эти годы, на наш взгляд, закрепилась тенденция градации русских Киргизии на «богатых» и «бедных», при слабовыраженной «средней» прослойке.

---

¹ Интерфакс. – М., 2006. – 4 мая.

² Росбалт. – СПб., 2006. – 14 июня.

Примечательным моментом, в полной мере проявившимся к началу 2000-х гг. стало закрепление тенденции полной аполитичности русского населения республики. Это проявилось в национальной структуре административной интеллигенции и, особенно, в общественно-политической жизни. Прецеденты по созданию русскими политических партий или их участия в митингах и демонстрациях являются, скорее, единичными и не отражают общего состояния группы. На этом фоне очевидным представляется практическое бездействие уже имеющихся в республике общественных организаций русских. Большинство объединений русских Киргизии являются организационно и финансово слабыми, их действия не координируются, добиться даже минимальной консолидации соотечественников им в большинстве случаев не удается. Нет никаких оснований предполагать, что русские в Киргизии, как и в других республиках Средней Азии, способны успешно организовать для защиты своих интересов. Подавляющее большинство русского населения, согласно данным опросов, инертно, пассивно, не знает о деятельности русских центров, хотя и очень нуждается в организации, которая могла бы помочь им защитить свои права. У русских, будь то организованных или неорганизованных, во всех республиках Средней Азии нет сколько-нибудь реальной возможности защищать свои интересы обычным, политическим путем. При этом, российскими исследователями, в частности О.И. Брусиной, одной из причин усиливающейся политической апатичности русских выдвигается возвращение в общественную жизнь после распада СССР традиционных среднеазиатских институтов, предполагающих авторитарную модель управления, основанную на клановом устройстве общества. Русские же, в отличие от основной массы населения, не могут стать составной частью этой системы, они не могут ее понять и научиться адекватно реагировать, потому что эта система очень «закрытая», недоступная для посторонних. «Для русских это — чужая, непонятная, совершенно неприемлемая форма социальной организации, не соответствующая их образу жизни...». Соответственно, «русские лишены необходимой базы для политической деятельности и социального продвижения в обществе...»¹.

В целом, говоря о количественных и качественных изменениях представителей русской группы Киргизии в 2000-е гг., следует отметить продолжающуюся тенденцию к сокращению численности русской группы и изменению ее этносоциальной структуры.

Решение политических и социально-экономических проблем в республике, регулирование миграционных процессов, а также осознание и восприятие черт ментальности русских, во многом определяют дальнейшие тенденции развития русской группы в Киргизстане. Использование русского потенциала в этнополитической системе государства зависит от политики и решительных действий правительственных органов Киргизстана и России, а также от самого русского населения республики.

¹ Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. — М.: Центр Карнеги, 1998. — С. 48–52.

РУССКИЕ В ТАДЖИКИСТАНЕ: ОТ ПРИСУТСТВИЯ К СЛЕДУ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В.В. Дубовицкий,

*доктор исторических наук,
заместитель директора*

*Института истории, археологии и этнографии
им. Ахмада Дониша АН Республики
Таджикистан, председатель Правления
Совета российских соотечественников
Таджикистана (г. Душанбе)*

История формирования русской (шире – российской) диаспоры на территории современного Таджикистана восходит к середине 1860-х гг. Впервые русское население появляется здесь рядом с гарнизонами российской армии, расквартированными в городах Ходжент и Ура-Тюбе, после взятия последних летом 1865 г. По своему социальному составу это были мещане из бывших, вышедших в запас, солдат и их семьи, а также семьи торговцев-«маркитантов» при войсках.

Небольшое количество гражданского русского населения появляется с 1880 г. рядом с российскими пограничными заставами на бухарско-афганской границе. Среди наиболее крупных поселений можно назвать поселок рядом с пограничным гарнизоном в кишлаке Сарай (ныне – г. Пяндж). Именно здесь в 1907 г. была построена и освящена первая в Восточной Бухаре православная церковь¹. Сведений о формировании гражданского населенного пункта при Хорогском погранотряде и у поста Памирский (ныне – пгт. Мургаб) нет. Большая удаленность от русских экономических и культурных центров Средней Азии препятствовала этому.

Крестьянского русского населения на территории современного Таджикистана не было. Ближайшие села, образованные Туркестанской администрацией на землях, закупленных Переселенческим управлением у местного населения (Николаевское и Сретинское), находились северо-западнее, в пойме р. Сырдарья, на территории Ташкентского уезда². Не было здесь и самовольных («самозахватных») русских поселений, в изобилии встречавшихся на территории Ошского и Исыккульского уездов³.

С прокладкой ветки Среднеазиатской (позже – Закаспийской) железной дороги от Самарканда в Новый Маргилан (ныне – г. Фергана) в 90-х гг. на севере современного Таджикистана появляется русское население, состоящее из путевых рабочих и служащих железнодорожных станций. Некоторое количество русского населения (шахтеры, горные мастера и инженеры) появляется и в районе пос. Шураб, где начинается разработ-

¹ Логофет Д.Н. На границах Средней Азии. Бухарско-афганская граница. Кн. 3. – СПб., 1909. – С. 47.

² Брусица О.И. Славяне в Средней Азии. – М., 2001. – С. 2.

³ Там же.

ка месторождения каменного угля в целях обеспечения топливом локомотивного состава железной дороги.

В целом в досоветский период представители российских этносов на территории современного Таджикистана составляли ничтожно малый процент населения. По данным В.И. Масальского, относящимся к 1897 г., в Сырдарьинской и Ферганской областях Туркестанского края, в которые своими отдельными частями входила территория современного Северного Таджикистана, проживало соответственно 2,86 и 0,63% православных. Даже при учете небольшого числа «российских магометан», т.е. татар, башкир и марийцев, этот процент менялся несущественно и был значительно ниже общетуркестанского показателя — 3,7% православных христиан¹.

Численность представителей российских этносов на юге Таджикистана, т.е. в Восточной (Горной) Бухаре, составляла, по нашим расчетам, не более 200 человек. Часто это были беглые преступники или дезертиры из русской армии и их потомки, а также религиозные ренегаты из числа русских рабов или же люди, перешедшие в ислам по другим причинам.

В советский период приток российских этносов в Таджикистан происходил в основном благодаря развитию различных отраслей народного хозяйства, что требовало использования высококвалифицированных кадров, привлекаемых (или направляемых) из европейской части СССР. Вторая половина 20-х гг. была связана с увеличением численности российских этносов лишь на севере страны. На юге, в бывшей Восточной Бухаре, еще проводились войсковые операции против басмачей под руководством Ибрагимбека. Однако и здесь численность российских этносов начинает увеличиваться в связи со строительством железной дороги Термез — Душанбе (1929 г.), а также в связи с освоением Вахшской долины. Благодаря государственным программам борьбы с неграмотностью, а также созданию в Таджикистане современной системы здравоохранения в республику ежегодно по распределению из центральных учебных заведений приезжают тысячи учителей и врачей².

Следующая большая волна миграции российских этносов в Таджикистан связана с Великой Отечественной войной, в начале которой в республику было эвакуировано из европейской части страны свыше 300 промышленных предприятий (как правило, вместе с трудовыми коллективами), десятки детских домов, создано 20 эвакуационных госпиталей, десятки других учреждений³. Часть населения, прибывшего в Таджикистан по эвакуационным программам покидало его по мере освобождения оккупированной немецкими захватчиками территории в 1943–1945 гг. Однако в республике остались на постоянное жительство десятки тысяч бывших беженцев.

¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. — Т. 19. Туркестанский край / Сост. князь В.И. Масальский. — СПб., 1913.

² Русские в Средней Азии // Москва. — 1991. — №3. — С. 31.

³ Таджикистан в Великой Отечественной войне 1941–1942 гг. — Душанбе, 1975. — С. 47–49.

Для конца 50–70-х гг. характерна новая волна миграции, связанная с началом строительства в Таджикистане крупных гидроэлектростанций и Таджикского алюминиевого завода в Регаре (ТАДАЗ). Эти объекты были объявлены комсомольскими стройками, что позволило руководству СССР быстро мобилизовать для их строительства десятки тысяч молодых рабочих и специалистов, прежде всего из РСФСР. Значительная их часть также осталась в Таджикистане на постоянное жительство. Это прежде всего относится к гидростроителям Нурекской ГЭС, давшей первый ток в 1972 г. Она замышлялась как часть каскада гидроэлектростанций, поэтому уже в конце 70-х гг. было начато строительство Байпазинской ГЭС, а в 1982–1984 гг. — Сангтудинской и Рогунской ГЭС. Такое «перманентное» строительство однотипных объектов способствовало закреплению кадров гидроэнергетиков и оседанию их на постоянное местожительство в Таджикистане.

В 1979 г. численность русских в Таджикистане достигла 395,1 тыс. человек, или 10,4% населения (в 1959 г. — 262,6 тыс., или 13,3%).¹ Численность другого российского этноса (татар), зарегистрированного переписью 1979 г., достигла 79,5 тыс., или 2,1% (56,8 тыс., или 2,9% в 1959 г.).²

В результате описанных процессов численность представителей российских этносов в Таджикской ССР к 1989 г. (т.е. к моменту последней «советской» переписи населения) достигла 490 тыс. человек. Этнические русские составляли 3,7% населения республики³.

Интенсивная внешняя миграция представителей российских этносов из Таджикистана началась в период «перестройки», а точнее во второй половине этого трагического для СССР процесса, в 1988–1991 гг., и еще более усилилась с началом в стране (весна 1992 г.) гражданской войны. Интенсивность миграции определялась, по мнению современных таджикских демографов, следующими факторами:

- перестроечными процессами, которые резко ухудшили экономическую и политическую ситуацию во всех странах СНГ;
- обострением межнациональных отношений в связи с приобретением бывшими советскими республиками суверенитета;
- превращением Республики Таджикистан в зону боевых действий, обусловленным обострением внутренних противоречий политических сил Таджикистана;
- февральскими событиями 1990 г., вызвавшими среди лиц некоренного населения чувство страха и неуверенности в своем будущем, в безопасности своей семьи и близких;

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года по Таджикской ССР. — Душанбе, 1981. — Т. 3. — Ч. 1. — С. 310–311.

² Там же.

³ *Исламов Ф.С.* Тенденции демографического развития Республики Таджикистан. — Душанбе, 2005. — С. 154.

- попыткой создания исламского государства в Таджикистане;
- низким уровнем жизни населения страны;
- пропагандой таджикского языка и намерениями придать ему статус государственного.

По этим и другим причинам в начале 90-х гг. наметился резкий скачок во внешней миграции населения Таджикистана.¹

Миграция из Таджикистана в Россию происходила в 90-х гг. в основном в городские поселения. Это указывало на то, что «из страны выезжали в основном работники высококвалифицированного, интеллектуального и индустриального труда, а также работники сферы обслуживания. Отъезд «интеллектуалов» из Таджикистана имел весьма серьезные отрицательные последствия. Основная часть эмигрировавших «интеллектуалов» была из числа некоренного населения. Вероятность их возвращения в Таджикистан весьма незначительна».²

Первую волну «перестроечной» миграции российских этносов из Таджикистана вызвали события 12–14 февраля 1990 г., явившиеся первой пробой сил демоисламистских кругов страны по захвату политической власти. В 1991 г., в связи с кратковременной стабилизацией обстановки в Таджикистане, связанной с вмешательством в урегулирование конфликта союзного правительства, этот поток несколько снизился, однако процессы развала СССР были уже необратимы. Еще более интенсивный поток мигрантов наблюдается сразу после приобретения Таджикской ССР независимости 9 сентября 1991 г. В целом, за период 1989–2000 гг. доля русского населения Таджикистана уменьшилась с 3,7 до 0,4%, а доля татар — с 1,0 до 0,2%.³

Основным направлением выезда российских этносов из Таджикистана стала Российская Федерация, куда, например, в 1995 г. выехало 89% русских, а также основная часть других европейских этносов бывшего СССР — 80% украинцев и 73% белорусов⁴.

Таким образом, в настоящее время российская диаспора в Республике Таджикистан составляет примерно 10% числа русского населения Таджикской ССР накануне развала СССР. Возрастной состав мигрантов также сильно изменился: примерно 70% — люди пенсионного возраста.

Процессы национального возрождения, активизировавшиеся в СССР с началом «перестройки», коснулись и российских этносов Таджикистана. В период 1989–1990 гг. в Таджикистане сформировались такие организации, как казачья община «Амударьинская линия», общество осетин «Алан», татаро-башкирское культурное общество «Дустлык». В ноябре 1991 г. при активном участии казачьей общины «Амударьинская линия» в

¹ Исламов Ф.С. Тенденции демографического развития Республики Таджикистан. — Душанбе, 2005. — С. 146–147.

² Там же. — С. 148.

³ Там же. — С. 154.

⁴ Там же. — С. 155.

стране была создана Русская община (просуществовала до 1996 г.), объединившая в своих рядах десятки тысяч российских соотечественников. Русская община сыграла большую роль в защите прав соотечественников в Таджикистане, выстраивании отношений между диаспорой и властями страны пребывания. Однако массовый отток российских соотечественников из Таджикистана в первой половине 90-х гг., отсутствие у руководства Российской Федерации политической концепции в отношении диаспоры за рубежом, а также неопытность руководства самой Русской общины в сложных условиях гражданской войны в республике привели к тому, что к осени 1996 г. организация практически перестала существовать.

В начале 1997 г. в стране была создана новая республиканская организация российских соотечественников – «Союз славянских организаций» («Славянский союз»), в состав которого, помимо первичных организаций распавшейся Русской общины, вошли украинская община «Криница» и переселенческие организации «Миграция» и ХОКО. «Славянский союз» просуществовал до начала 2004 г.

В марте 2004 г. в стране была создана новая организация – «Совет российских соотечественников Таджикистана» (СРСТ), объединившая российскую диаспору. В настоящее время в составе СРСТ – свыше 30 первичных организаций, в их числе 12 организаций в Согдийской области и 18 на юге республики и в районах республиканского подчинения. Одна из таких организаций (пос. Джиликуль) создана в 2005 г. усилиями и при поддержке первичной организации СРСТ в Курган-Тюбе, две (в пос. Таджикабад и на сейсмостанции г. Душанбе) – в 2006 г.

Основные направления деятельности СРСТ: помощь Посольству РФ в РТ в реализации материальной помощи российским соотечественникам; лечение ветеранов Великой Отечественной войны и труда, пенсионеров, хронических больных из числа российских соотечественников; организация спортивных занятий для молодежи; подбор абитуриентов для поступления в вузы РФ; подбор и отправка детей российских соотечественников в летние лагеря отдыха; совместная с Посольством РФ в РТ и представительством «Росзарубежцентра» в РТ деятельность по организации культурно-массовой работы среди российских соотечественников.

Следует также сказать и о постоянном сотрудничестве СРСТ с Российско-Таджикским Славянским университетом (РТСУ), где находится крупнейшая по численности первичная организация. РТСУ – это место проведения основных студенческих мероприятий, большинства научных конференций. В 2005–2007 гг. в стенах вуза проведено пять научных конференций, посвященных 160-летию Русского географического общества и его вкладу в исследование Средней Азии; 160-летию известного русского исследователя и деятеля народного образования Средней Азии Н.П. Остроумова («Россия и Средняя Азия: исторический диалог и взаимодействие культур»); 15-летию установления дипломатических отношений между Россией и Таджикистаном.

Совет российских соотечественников Таджикистана является единственным республиканским объединением российской диаспоры в Республике Таджикистан. К великому сожалению, СРСТ работает лишь среди 50 тыс. наших соотечественников, а не 500, как было в 1992 г., в момент развала СССР. Численность, а также демографический и возрастной состав диаспоры не позволяют ставить даже половины тех задач, которые планировала в своей деятельности Русская община в период возникновения. Причиной этому служит также до конца не выработанная политика Российской Федерации в отношении своей диаспоры — будет она репатриационной, патерналистской либо прагматической (утилитарной).

Репатриацию, причем без поддержки государства — «самовыезд», избрали для себя 90% наших соотечественников, проживавших в республике.

Смысл прагматического подхода заключается во взаимовыгодных действиях сторон, в которых диаспора выступает инструментом, мостом в политических, экономических и культурных отношениях между ее этнической родиной и страной пребывания. Примером такого подхода может служить деятельность еврейской, китайской, армянской и ряда других диаспор, оказывающих огромную помощь своим этническим родинам¹. Ясно, что российская диаспора в Таджикистане в настоящее время может играть эту роль лишь в очень малой степени, однако она способна (и в настоящее время старается) обеспечить включенность Таджикистана в общее с Россией гуманитарное пространство. В этом направлении действовали и действуют немногочисленные существующие в РТ русские школы и десятки русскоязычных классов, работает коллектив Русского драматического театра им. В.В. Маяковского, и уже десять лет готовит специалистов РТСУ.

Заслуга российской диаспоры в этом процессе уже в том, что русские, татары, башкиры, осетины продолжают жить, работать и активно общаться в таджикской среде, втягивая в свой «культурный круг» десятки и сотни тысяч таджиков, самим проживанием в Таджикистане поддерживая живой мост, который неформально связывает республику с Россией.

---

¹ Полоскова Т. Современные диаспоры: внутривнутриполитические и международные аспекты. 2-е изд. — М., 2002. — С. 179.

ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ В 1990-Е ГГ.

Ю.Н. Гужвенко,

*научный сотрудник лаборатории «Россия
и Восток», ассистент кафедры всеобщей
истории*

*Барнаульского государственного
педагогического университета¹*

Восточный Казахстан является одним из сложных регионов Казахстана по этносоциальному профилю. Под этим регионом мы понимаем Восточно-Казахстанскую область, образованную в 1997 г. путем упразднения Семипалатинской области. Спецификой Восточного Казахстана, помимо экономического профиля, является русская доминанта в этническом составе. По переписи 1989 г., в Восточно-Казахстанской области проживало 65,9% русских и 27,2% казахов, в Семипалатинской области доминирующей этнической группой были казахи – 51,9%, русские составляли – 36%². После объединения Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областей в этнической композиции области был достигнут этнический паритет.

В конце 80-х гг. в Восточном Казахстане сложилась определенная этносоциальная структура населения, связанная с экономическим и территориальным разделением труда, имевшим отраслевой и региональный характер. Кроме отраслевого разделения труда, в Восточном Казахстане существовала определенная региональная дифференциация производственной деятельности, принявшая этнический характер. В республике в целом размещение и распределение объектов инфраструктуры, промышленности и сельского хозяйства происходило неравномерно. Север, центр и восток считались наиболее урбанизированными территориями Казахстана, поскольку здесь располагались крупнейшие добывающие и перерабатывающие предприятия. Как следствие, в этих областях преобладало русскоязычное население, занятое главным образом, в промышленности. Казахское население трудилось преимущественно в сельском хозяйстве и проживало в южных районах Восточного Казахстана (в силу определенных исторических особенностей было слабо включено в индустриальное развитие региона).

Этносоциальные отношения в регионе значительно трансформировались в 90-е гг. Под воздействием экономических факторов, общего кризиса сельского хозяйства и частичной стагнации промышленного производства сельское население вынуждено было искать лучшей доли в городах Восточно-Казахстанской области. В то же время экономичес-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Проект 06-01-00362a).

² Мониторинг этнической и религиозной ситуации в Восточно-Казахстанской области // www.analitik.kz/modules.php?name=News&file=print&sid=65 (Последнее посещение 28 июня 2006 г.).

кие мотивы сельско-городской миграции подкреплялись и социокультурными. Феномен сельско-городской миграции казахов в главные города Республики Казахстан — Астану и Алматы — подробно изучала социолог А.Т. Забирова.¹ Она пришла к выводу, что важной составляющей мотивации к переезду в город выступало стремление родителей поднять статус своих детей и предоставить возможности для обучения. В основании подобной мотивации находится понимание образования как фундамента экономической и профессиональной мобильности, а также понимание широких возможностей города в отличие от условий в сельских регионах.² Это свидетельствует о том, что определенная часть казахского этноса выбрала индустриальный путь развития общества. К тому же в 90-е годы в городах Восточного Казахстана, особенно в Семипалатинске, увеличились возможности для обучения на родном казахском языке в связи с открытием казахских школ, вузов с обучением на государственном языке. В. Фиерман отмечает, что в 90-е гг. увеличивается механический прирост населения городов за счет миграции из сельской местности, потому что именно для сельских казахов важным было сохранить обучение на родном языке, а не русском.³

Ряд авторов, в первую очередь А.Н. Алексеенко, К.В. Григоричев и др., предполагают, что в Восточном Казахстане в 90-е гг. довольно четко прослеживалась закономерность: чем выше в регионе удельный вес и темпы прироста казахов, тем выше темпы роста выбытия русских.⁴ Массовая миграция сельского казахского населения в города «подвигала» русское население и вытесняла его за пределы республики, в первую очередь, по экономическим основаниям. Если в 1989 г. удельный вес казахского населения составлял на «севере» области 9,0%, то в 1999 г. — 15,3%. За десятилетие темпы роста составили 55,6%, что в 4,1 раза выше темпов роста казахов на «юге» (13,5%).⁵ При переезде и обустройстве в городах сельское население претендовало на социальную сферу, инфраструктуру и уже сложившийся рынок труда, в котором устоялась определенная дифференциация производственной деятельности. В первую очередь, в городах,

¹ Забирова А.Т. Этносоциальные факторы миграции казахов в Астану и Алматы и ее последствия: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. — М., 2004. — 55 с.; Забирова А.Т. Идентичность казахов: между традицией и современностью. — Алматы: **Фылым**, 2003.

² Цит. по: Забирова А.Т. Этносоциальные факторы... — С. 27.

³ Fierman William. Language and Education in Post-Soviet Kazakhstan: Kazakh-Medium Instruction in Urban Schools // The Russian Review. — 2006. — January. — P. 106.

⁴ Алексеенко А.Н. Некоторые тенденции демографического развития Республики Казахстан в начале XXI века // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: VII Международн. научн.-практ. конф. (8–9 ноября 2005 г.). — Усть-Каменогорск, 2006. — С. 21; К.В. Григоричевым данное мнение высказывалось в ходе выступления на конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях». Усть-Каменогорск, 20–21 октября 2003 г.

⁵ Алексеенко А.Н. Эволюция региональной идентичности на востоке Казахстана в суверенный период // Проблемы этнического сепаратизма и регионализма в Центральной Азии и Сибири: история и современность: Мат-лы научн. конф. Барнаул, 13–14 сентября 2004. — Барнаул, 2004. — С. 205.

особенно в Семипалатинске, где этнически преобладали казахи — 51,1%, русские составляли только 39,9%, русскоязычное население вытеснялось из сферы услуг, образования, здравоохранения, торговли, а также из управленческого аппарата и финансовых структур. Поводом для вытеснения русскоязычного населения стало незнание ими государственного языка.

А.Н. Алексеенко отмечает, что значительная часть русских, проживающих в регионе, не испытывала серьезной этнической конкуренции на рынке труда, так как трудилась в промышленном производстве. Казахи, получившие образование и сумевшие социализироваться в городах, занимали освобождавшиеся после эмиграции русскоязычного населения места во властных, силовых структурах, в сфере образования и культуры.¹ Работу в промышленном производстве казахи не считали перспективной, к тому же она требовала специальной подготовки и опыта.² Отмеченная А.Н. Алексеенко неэффективность механизмов этнической конкуренции в полной мере соответствовала ситуации в промышленном секторе городов Усть-Каменогорска, Риддера, где в этническом плане превалировало русское население. Механизмы этнической, экономической конкуренции проявлялись в полной мере и в Семипалатинске. Для большей части русского населения, особенно для водителей и строительных бригад, которые не имели возможности применить свой трудовой потенциал в городе, выходом стала трудовая сезонная миграция в районы городов Астана и Алма-Ата³.

Большие возможности трудоустройства сельчан в городах, а также обучения в главных вузах Восточно-Казахстанской области были обусловлены знанием государственного языка, хотя бы на бытовом уровне. Можно выделить приоритетные секторы городской экономической жизни, которые в первую очередь занимают казахи. Во-первых, силовые структуры и армия — в 90-е годы они комплектовались почти исключительно из представителей титульной нации. Во-вторых, аппарат управления, который также представлен в основном казахами, хотя во время полевых исследований в городе Усть-Каменогорске мы отмечали высокий процент представителей русского населения в этом секторе,⁴ что было связано со спецификой этнического состава города (на начало 2000-х гг. доля русских составляла 74,3%).⁵ Привлекательной в постсоветский период для казахс-

¹ Алексеенко А.Н. Эволюция региональной идентичности на востоке Казахстана в суверенный период // Проблемы этнического сепаратизма и регионализма в Центральной Азии и Сибири: история и современность: Мат-лы научн. конф. Барнаул, 13–14 сентября 2004. — Барнаул, 2004. — С. 208.

² Полевые материалы экспедиции автора в г. Усть-Каменогорск. Октябрь 2006 г. (В. Щеколова). Тетр. 2.

³ Полевые материалы экспедиции автора в г. Семипалатинск. Октябрь 2006 г. (Т. Долговых). Тетр. 2.

⁴ Полевые исследования были проведены в г. Усть-Каменогорске в октябре 2003 г., январе 2004 г., в г. Семипалатинске — в феврале 2005 г., в Усть-Каменогорске, Семипалатинске, Алматы — в октябре — ноябре 2006 г.

⁵ Развитие Восточного Казахстана в 1998–2002 гг.: Информационно-аналитический сбор-

кого населения стала сфера обслуживания, где приветствовалось знание государственного языка. Образовательная сфера, особенно вузы, значительно пополнилась «казахскими» кадрами в связи с расширением сети образования на казахском языке и обязательной сдачей экзамена по государственному языку при поступлении в учебное заведение. На рубеже 90-х — начала 2000-х гг. выделяется интересная закономерность: большинство русских студентов обучаются в профтехшколах — здесь доля русских составляет 55%, а казахов — 38,8%¹; высшее же образование в основном получают казахи (60,9%), доля русских в вузах вдвое меньше — 34,6%,² причем и в 1999 г., когда в области сохранялся этнический паритет, русских студентов в высших учебных заведениях области обучалось в два раза меньше, чем казахов.

Складывающиеся определенным образом этносоциальные отношения своим следствием имели обострение следующих социальных проблем.

В первую очередь, несоответствие квалификации сельских жителей условиям промышленного производства крупного города.³ Переселение в город механизаторов, животноводов и полеводов сопровождалось ростом предложений рабочих рук, в то время как производственная особенность городов требует высококвалифицированных строителей, сварщиков, слесарей, ремонтников, в качестве которых ранее трудились эмигрировавшие русские и русскоязычные. Приехавшие в города сельчане, или оралманы, в 90-е гг. и в настоящее время не способны заменить квалифицированные кадры, благодаря которым осуществлялась полноценная жизнь полиса. Таким образом, в городах складывается диспропорция потенциальных рабочих рук и их востребованности, что влечет за собой процессы люмпенизации взрослых и их детей, другие маргинальные явления. Социологические исследования, проведенные в начале 2000-х гг. Центром социального мониторинга и прогнозирования СемГУ им. Шакарима под руководством А.П. Коновалова в г. Семипалатинске, свидетельствуют, что большинство взрослого населения является маргиналами (61,1%), переехавшими из сельской местности бывшей Семипалатинской области. В данном случае маргинальность понимается как состояние групп людей или личностей, поставленных общественным развитием на грань двух культур, участвующих во взаимодействии этих культур, но не примыкающих полностью

ник / Агентство Республики Казахстан по статистике, Управление статистики Восточно-Казахстанской области. — Усть-Каменогорск, 2003. — С. 10.

¹ Начальное профессиональное и среднее профессиональное образование Восточно-Казахстанской области / Управление статистики Восточно-Казахстанской области. — Усть-Каменогорск, 2003. — С. 5.

² Высшее профессиональное образование Восточно-Казахстанской области / Управление статистики Восточно-Казахстанской области. — Усть-Каменогорск, 2003. — С. 8.

³ Коновалов А.П. Развитие национальных процессов глазами семипалатинцев: Сборник материалов социологических исследований, проведенных в 2003 г. / Центр социального мониторинга и прогнозирования СемГУ им. Шакарима; Семипалатинский русский социально-культурный центр. — Семипалатинск, 2004. — С. 9.

ни к одному из них.¹ Действительно, только 38,9% опрошенных отмечают, что они родились и выросли в Семипалатинске.² Остальные — мигранты из сельской местности, которые в условиях города не могут придерживаться сельских стандартов жизни, но и не принимают городских.

Во-вторых, исследователи отмечают, что социо-культурная среда казахстанских городов значительно трансформируется привнесением в нее традиционных элементов сознания, идентичности, языка. В первую очередь это касается языка — сельчане, особенно из отдаленных казахских районов или обособленных казахских сел, слабо владеют либо не владеют вовсе русским языком, в то время как казахи-горожане в большинстве своем являются «двуязычниками». Процессы социализации в казахстанском городе в конце 90-х — начале 2000-х гг. невозможны без знания русского языка, которому заслуженно принадлежит роль языка межнационального общения. К тому же, в большинстве своем знающие на бытовом уровне родной язык казахи занимали должности, не освоив классический делопроизводственный казахский язык, начавший формироваться только в постсоветский период. Это привело к тому, что классическим казахским языком владеет сравнительно небольшая группа образованных казахов, остальные знают государственный язык на уровне бытового общения, сформированного в основном в устной традиции. В интервью, которое дала нам руководитель Русского социально культурного центра г. Семипалатинска Н.К. Козырева, она пояснила, что в учреждениях образования уже несколько раз пытались выборочно внедрить в делопроизводство казахский язык, но указы и распоряжения на казахском языке не выполнялись с точностью, либо не могли быть верно истолкованы из-за разного уровня подготовки казахов и степени владения ими родным языком. Тем не менее, обещанный к 1994 г. перевод делопроизводства на казахский язык начнется в 2007 г.³, хотя наиболее предпочтительным в этой сфере по-прежнему считается русский язык.

Ярким свидетельством разницы в степени овладения казахским языком различными слоями населения является тот факт, что в г. Семипалатинске практически все объявления печатаются на русском языке, казахи не рискуют печатать объявления в газетах на казахском, поскольку после редактирования они станут понятными лишь ограниченному кругу образованных лиц.⁴ Процесс формирования казахского языка и замена в нем многих русских слов делает его малодоступным и даже непонятным для основной массы населения.

Учитывая тот факт, что воспроизводство сельских мигрантов было в два раза выше, чем горожан, а также непрекращающийся приток сель-

---

¹ Энциклопедический социологический словарь / Под ред. акад. РАН Г.В. Осипова. — М., 1995. — С. 364.

² Коновалов А.П. Развитие национальных процессов... — С. 6.

³ Полевые материалы экспедиции автора в г. Семипалатинск. Октябрь 2006 г. (Н.К. Козырева).

⁴ Полевые материалы экспедиции автора в г. Семипалатинск. Октябрь 2006 г. (Н. Валиева).

чан в города, худшие условия для развития мигрантов в городе, эксперты не прогнозируют положительных изменений в социокультурной среде городов бывшей Семипалатинской области¹, они склоняются к мнению, что будет продолжаться снижение общей культуры населения. Усть-Каменогорск, Риддер подвержены данным процессам в меньшей степени, хотя бы потому, что социокультурный облик этих городов формирует и поддерживает русское население.

Еще одной социальной проблемой является привнесение в городскую, преимущественно русифицированный, тип отношений традиционных контактов, основанных на отнесении себя к определенному этносу, клану, роду, территории. В интервью, которое дал нам руководитель общественного объединения немцев Семипалатинской области А.Р. Визе², было прокомментировано такое явление, как первичные «солидарности» казахов – кумовство и клановость. Поддержка и продвижение по службе представителей своего клана, семьи, невзирая на степень их компетентности, квалификации, а также возможности социальной адаптации, затрудняют формирование оптимальной этносоциальной структуры общества, которая должна отвечать, в первую очередь, определенным запросам рыночной экономики. При дальнейшем формировании такого кланового общества не исключается даже возможность межэтнического, или кланового конфликта. В связи с этим представитель немецкой общины отмечает значительную роль русского населения в Восточном Казахстане в целом и г. Семипалатинске в частности.

А.Т. Забирова высказала мысль, что дальнейшее развитие преимущественно этнической идентичности в городах, формирование здесь традиционных сельских стандартов идентификации по этническому, профессионально-производственному признаку, а также по территориально-поселенческой принадлежности ставит под угрозу формирование общегражданской казахстанской идентичности.³ Подобный феномен отмечается в работах западных классиков национализма. К примеру, Э. Хобсбаум отмечает, что при значительной миграции в города выходцев из определенных регионов, в их сообществе включается неформальный механизм взаимопомощи, благодаря которому вакантные ниши заполняются друзьями, родственниками и клиентами из числа земляков,⁴ что полностью доказывается полевыми материалами, собранными в Восточном Казахстане.

Вместе с тем необходимо отметить и определенные достижения в развитии этносоциальных отношений в области, хотя в казахстанском обществе имеются предпосылки для межэтнических, этнополитических и

¹ Коновалов А.П. Развитие национальных процессов... – С. 9; Коновалов А. Национальные процессы: Исследования в Семипалатинском регионе // Мысль: общественно-политический ж-л. – 2004. – №9. – С. 24–31.

² Полевые материалы экспедиции автора в г. Семипалатинск. Октябрь 2006 г. (А.Р. Визе).

³ Забирова А.Т. Этносоциальные факторы миграции казахов в Астану и Алматы и ее последствия: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. – М., 2004. – С. 37.

⁴ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. – СПб.: Алетей, 1998. – С. 252.

этносоциальных конфликтов. Связано это с обострением этносоциальных процессов в городах, с конструированием новой государственной идентичности, изменением статусных позиций титульных и нетитульных этносов. Этническая проблема актуализировалась, прежде всего, в государствах с полиэтничным составом населения и со сложной этносоциальной структурой. Именно таким государством и является Казахстан, в котором в общей сложности проживают представители 131 этноса и выделяются две преобладающие этнические группы — казахи и русские.¹ Но в Восточном Казахстане и Казахстане в целом не было открытого противостояния между казахами и русскими на почве ухудшения этносоциального положения нетитульных этносов. Казахстанскому руководству удавалось сохранять консенсус путем открытия для казахского населения приоритетных сфер труда со знанием государственного языка, таких, как силовые структуры, формирующиеся из молодых мужчин-казахов, аппарат управления и др. Русское население удерживало свои позиции в сфере индустриального производства.

С середины 90-х гг. велась также определенная работа по формированию общеказахстанской идентичности — в первую очередь, с помощью знания и изучения государственного языка. Например, на всех государственных предприятиях города Усть-Каменогорска были открыты курсы по изучению казахского языка. Уже в конце 90-х гг. начал формироваться контингент лиц, представителей молодого поколения нетитульных этносов, которые не только желали, но и прилагали все усилия для изучения казахского языка² в целях повышения социальной мобильности. Примером тому является А.П. Коновалов, исследователь социальных проблем Семипалатинского региона, свободно владеющий казахским языком (а также члены его семьи). Предпосылки для овладения населением нетитульной нации государственным языком благоприятнее всего складывались в Восточном Казахстане. В Семипалатинске, например, более жесткие условия этнической конкуренции подталкивали молодое население задуматься о своем будущем. К тому же, преимущественно казахоязычная среда, тесное межэтническое взаимодействие способствовали более легкому вхождению в язык. Между тем, в другом крупном городе области, ее административном центре Усть-Каменогорске, осознание этнической доминанты русского населения, оппозиционные настроения казачества не способствовали формированию мотивации к изучению государственного языка.

Президент Республики Казахстан каждый год выделяет и поощряет представителей нетитульных этносов за свободное владение казахским языком и его применение в профессиональной деятельности³. Тем самым руководство страны стимулирует изучение государственного языка, повышение образовательного уровня, формирование кадров нового типа. По-

¹ Краткие итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан / Агентство Республики Казахстан по статистике. — Алматы, 1999. — С. 5.

² Полевые материалы экспедиции автора в г. Семипалатинск. Октябрь 2006 г. (А.П. Коновалов).

³ Рудный Алтай. — 2006. — 15 декабря.

добная практика позволяет утверждать, что тезис Э. Хобсбаума о долголетию многоязычия¹ относится и к восточно-казахстанскому материалу, хотя речь идет не о многоязычии, а о двуязычии. Очевидно, что классическая модель языкового национализма, то есть превращение казахского языка, его конструирование в универсальный литературный национальный язык, который становится государственным, непременно сохранится и в будущем, но роль языка межнационального общения еще долгое время будет играть русский. В силу указанных обстоятельств неизбежным становится феномен двуязычия и среди русского населения.

Итак, в 90-е гг. этносоциальные отношения в Восточном Казахстане претерпели значительную трансформацию. Та хозяйственная и региональная дифференциация производственной деятельности населения, которая сформировалась в советский период, была нарушена и привела к взаимопроникновению этносов в сферы компетенции и занятости друг другом. Произошло это вследствие миграции сельского населения (в основном казахов) в города, особенно в г. Семипалатинск. В области базовой отраслью экономики являлась цветная металлургия, а также горнодобывающая, легкая и пищевая промышленность, и основные предложения на рынке труда были связаны с промышленным сектором. Значительный миграционный отток квалифицированной рабочей силы (русскоязычных) освободил определенный сегмент рабочих мест, особенно в г. Семипалатинске, где рынок труда являлся чрезвычайно узким. Однако выходцы из сельской местности по определению не могли занять рабочие места в промышленности, образовательной сфере и здравоохранении без ущерба для качества работы. Таким образом, одним из существенных недостатков трансформации этносоциальной структуры Восточного Казахстана являлось то, что сельские переселенцы не могли компенсировать возникший недостаток рабочих рук в промышленности, здравоохранении, образовании, поскольку их общий уровень и квалификация не соответствовали условиям производства, и, следовательно, потребностям казахстанского общества.

В начале 90-х гг. Восточный Казахстан представлял собой две различные области: Семипалатинскую и Восточно-Казахстанскую. Несмотря на дифференциацию в этническом составе, направленности производства, общими тенденциями были: высокий уровень урбанизированности и четкая специфика разделения труда. В городах Усть-Каменогорске, Семипалатинске, Лениногорске (Риддере), Курчатове проживало в основном квалифицированное русское население, занятое в промышленном комплексе, тогда как в сельской местности на юге региона — сельское казахское население, специализирующееся в основном на животноводстве.

Таким образом, мы приходим к выводу, что 90-е гг. в развитии этносоциальных отношений в регионе были периодом нестабильности, о которой можно судить по ряду показателей.

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. — СПб.: Алетейя, 1998. — С. 254.

Во-первых, экономическое развитие. Переход к современному индустриальному обществу, который, согласно теории модернизации, всегда являлся кризисным явлением, сопровождался экономическими преобразованиями, отразившимися, в первую очередь, на социальной жизни каждого человека и его этническом самочувствии. Существенно отличались данные процессы в городах и сельской местности. Рыночные механизмы развития производства разрушили хозяйственные связи между бывшими советскими республиками и регионами. Произошел окончательный развал сельского хозяйства, что оставило большую часть населения региона за чертой бедности и, следовательно, заставило искать лучшей доли в городах области, где кризисные явления проявлялись не так явно. Учитывая этнотерриториальную специфику населения, основной удар пришелся на население сельской местности, то есть на казахов. Свидетельством «модернизационного» перехода, который в 90-е гг. произошел в казахстанском обществе, являются демографический рост казахского населения, их подвижность и стремление к урбанизации, получение профессиональной квалификации, средне-специального и высшего образования.

Во-вторых, массовые миграции в регионе. Значительный отток русского населения за пределы государства, сельско-городская миграция, сдвиги в этнотерриториальном распределении этносов свидетельствовали о существенной трансформации рынка труда, социальной жизни городов, изменении статусных позиций этносов, что приводило к вспышкам национализма и столкновениям. Статусные позиции казахского и русского населения стали сближаться, а с объявлением суверенитета Республики Казахстан и построением национального государства титульный этнос получил существенные преимущества при продвижении по карьерной лестнице и занятии должностей из-за особых требований к знанию казахского языка.

В-третьих, значительные сдвиги в этносоциальной структуре региона. Анализ этносоциальной структуры населения по переписи 1989 г. и при ее сравнении с результатами переписи 1999 г. свидетельствует, что за рекордно короткий срок возросла доля казахского населения в сфере государственного управления, в здравоохранении, образовании, а также во властных и силовых структурах. Основным критерием продвижения титульного населения по служебной лестнице в этот период стало и выступает в настоящий момент знание государственного языка. В городе Семипалатинске русское население остро ощутило конкуренцию в индустриальном секторе, который и так значительно сузился из-за кризиса производства в 90-е гг. В Усть-Каменогорске, Риддере по-прежнему основной сферой применения труда русского населения является промышленное производство, строительство, сфера связи и транспортных услуг.

В-четвертых, социально-культурные изменения в обществе, такие, как снижение культурного, образовательного, квалификационного уровней различных социальных слоев и групп в Восточном Казахстане в 90-е гг. Основной тенденцией изменения этносоциальной структуры стало вытесне-

ние русских с административных и управленческих постов, из сферы услуг, образования и культуры из-за невладения государственным языком. Подобное распределение новых этносоциальных ролей и статусных позиций этносов не лучшим образом сказывалось на развитии производства, образования, культурного облика некоторых городов области, куда привносились стандарты сельского традиционного уклада. Таким образом, происходила масштабная маргинализация населения Восточного Казахстана.

В-пятых, языковая политика нового казахстанского руководства выявила значительные проблемы в употреблении казахского языка и переводе делопроизводства на государственный язык. Владение казахом родным языком сводилось к его бытовому употреблению, а оперирование им в делопроизводстве вызывало затруднения даже для носителей языка. Естественно, что данный факт сказывался на развитии и производственной сферы, и рынка труда.

В целом сложные процессы построения национального государства, рыночное развитие экономики, отказ от прежних советских стандартов в общественной жизни в 90-е гг. привели к перестройке всего «социального организма» Казахстана, особенно болезненной для многонациональных регионов вроде Восточного Казахстана.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

О.Б. Алтынбекова,

*доктор филологических наук, доцент
кафедры русского языка Казахского
национального университета
им. аль-Фараби, член Совета Казахстанской
ассоциации преподавателей русского языка
и литературы
(г. Алма-Ата)*

Закон Республики Казахстан (РК) «Об образовании» от 07.06.1999 г. определяет, что языковая политика в организации образования осуществляется в соответствии с Конституцией и законодательством РК, согласно которым все учебные заведения должны обеспечить знание и развитие казахского языка как государственного, а также изучение русского языка и одного из иностранных языков в соответствии с государственным общеобразовательным стандартом уровня образования. Статья также устанавливает, что для миноритарных этносов создаются условия для изучения родного языка, а в местах их компактного проживания могут создаваться для обучения на этнических языках организации образования (сады, школы, вузы и др.) или подразделения (классы, группы и др.).

Одну из зон перекрещивания расширяющегося казахского коммуникативно-языкового пространства, являющегося целью новой языковой политики в республике, с существующим русским коммуникативно-языковым пространством представляет собой сфера образования.¹ В связи с этим очень важно исследовать языковые приоритеты в образовании Казахстана, которые являются объективным показателем функционирования языков среди студенческой молодежи, чьи языковые предпочтения в определенной мере позволяют судить о готовности/неготовности молодого поколения адаптироваться к новым экстралингвистическим обстоятельствам. Это, кроме того, важно для сохранения и развития межэтнической толерантности в республике, поскольку микросоциальная студенческая общность как в колледже, так и вузе, характеризуется высокой степенью демографической и социальной однородности, наиболее высоким образовательным уровнем среди молодежи, регулярностью коммуникативных контактов и стабильностью во времени и пространстве, что делает этот многочисленный контингент весьма привлекательным для разного рода идеологических течений и подверженным различным влияниям (в том числе и по языковым признакам), которые могут быть и деструктивными.

Представляет интерес анализ динамики распределения по языкам обучения численности студентов вузов Казахстана, наглядно

¹ Сулейменова Э.Д. Русский язык в образовательном пространстве Казахстана // Вопросы преподавания и статуса русского языка в государствах – членах ЕврАзЭС. – СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2005. – С. 93–103.

свидетельствующий о тенденциях изменения языковых предпочтений студенческой молодежи (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение численности студентов по языкам обучения в Республике Казахстан

Учебный год	Всего студентов, чел. (на начало уч. года)	Обуч. на каз. языке, %	Обуч. на русском языке, %	Обуч. на других языках, чел.
1990/1991	287 304	13,65	86,3	161
1991/1992	283 348	17,9	82,0	328
1994/1995	266 724	29,0	71,0	65
1995/1996	260 043	30,9	68,9	562
1996/1997	255 796	30,4	69,2	1025
1997/1998	293 465	27,3	72,2	1613
1998/1999	318 755	26,9	72,4	2201
1999/2000	365 385	28,0	71,5	1842
2000/2001	440 715	30,1	69,3	2780
2001/2002	514 738	31,5	67,75	3841
2002/2003	597 489	36,2	62,9	5067
2003/2004	658 106	38,6	60,5	6091
2004/2005	747 104	40,0	58,8	9187
2005/2006	775 762	42,6	56,5	7531
2006/2007	768 442	43,95	54,9	8911

Как видно из таблицы, после приобретения республикой суверенитета, в сфере высшего образования Казахстана произошли большие изменения как в численности студентов, так и в их выборе языка обучения в вузе. Если, по данным на 1 октября 1990 г., на казахском языке обучались только 39,2 тыс. студентов, то в 2006 г. их количество составило уже 337,75 тыс. чел., т.е. число молодежи, выбравшей казахский язык для получения высшего образования, увеличилось в 8,6 раз. Численность студентов, обучающихся на русском языке, тоже возросла: в 1990/91 уч. году на русских отделениях вузов учились 247,9 тыс. чел., а в 2006/07 уч. году – 421,8 тыс., т.е. увеличение составило 1,7 раза.

Значительно изменилось процентное соотношение численности студентов, проходивших обучение на казахском или русском языках: в 1990/91 уч. году число студентов, получавших образование на русском языке, превышало количество студентов казахских отделений вузов в 6,3 раза, а к 2006/07 уч. году это превышение составило только 1,25 раза. Особенно за это время возросло число студентов, обучающихся на английском языке.

Если в 1990/91 уч. году обучение в вузах из всех так называемых *языков национальных групп (ЯНГ)* (в их число не входят казахский и русский языки, как имеющие особый статус) велось только на уйгурском языке, то в последующие годы были предприняты попытки ввести обучение на азербайджанском, турецком, корейском, узбекском языках, появились специализированные отделения с немецким и английским языками обучения. Однако в дальнейшем обучение на ряде языков национальных групп оказалось недо-

статочновостребованным и современем было исключено из вузовских программ. В 2006/07 уч. году число студентов, обучающихся на английском языке, составило 8 701 чел. (в г. Алматы – 8 078 чел., в Восточно-Казахстанской – 322, в г. Караганде – 301 чел.), 210 студентов проходили обучение на узбекском языке (в Южно-Казахстанской области).

Численность студентов стала заметно увеличиваться одновременно с экономическим ростом республики – с 1999 г.: за семь лет число студентов возросло более чем в два раза. На фоне значительного увеличения количества студентов, выбирающих для обучения в вузе государственный язык, и возрастающей приоритетности обучения на английском языке, тем не менее, в сфере высшего образования в целом русский язык превалирует.

В начале 2006/07 уч. года в Казахстане функционировало 176 высших учебных заведений с общей численностью студентов 768,4 тыс. человек, из которых 25,2% получают высшее специальное образование, 73,8% – высшее базовое образование (бакалавриат) и 1,0% – высшее научно-педагогическое образование (магистратура). 50,4% студентов-казахстанцев проходят дневную форму обучения, 49,3% – заочную и 0,3% – вечернюю, при этом в государственных вузах получают образование 50,8% от общего числа студентов в республике.

Из 387,1 тыс. студентов *дневного обучения* в начале 2006/07 уч. года 49,8% человек учились на казахском языке, 48,0% – на русском языке. На *заочных отделениях* из 379 тыс. чел. 38,2% составляли обучающиеся на казахском языке, 61,7% – на русском. На *вечерних отделениях* вузов количество студентов составляло 2 237 чел., из которых 2 140 обучались на русском языке и только 97 студентов – на казахском. На английском языке получали высшее образование 8 701 человек, из них 8 668 числились студентами дневных отделений и только 33 – заочных отделений.

Из общего числа студентов в республике девушки составляли 446,6 тыс. чел., на казахском языке из них обучались 46,4%, на русском языке – 52,6%, на английском – 1,0%. Из 210 человек, выбравших узбекский язык обучения в вузе, большинство (80,0%) составляли студентки (168 человек).

В целом представительниц женского пола в общей численности казахстанской студенческой молодежи было более половины – 58,1%; среди обучающихся на казахском языке их количество составило 61,3%, на русском языке – 55,7%, на английском – 51,9%.

Анализируя динамику этноязыковых процессов в образовательном пространстве Казахстана, важно рассмотреть, каким был прежний национальный состав студентов. Так, в 1990 г. в вузах Казахстана числилось 54,2% казахов, 31,2 – русских, 4,0 – украинцев, 2,93 – немцев, 1,74 – татар, 1,04 – корейцев, 0,8 – белорусов, 0,7 – уйгуров, 0,5 – узбеков, по 0,4 – азербайджанцев и киргизов, 0,23 – поляков, по 0,19 – армян, евреев и чеченцев, 0,18 – греков, 0,14 – грузин, 0,12 – ингушей, 0,1 – башкир, 0,09 – дунган, других этносов – 0,66%. Показателен факт, что в 1990/91

уч. году более 3/4 (!) студентов-казахов обучались в вузах Казахстана на русском языке.

В начале 2006/07 уч. года общая численность студентов в республике была 768,4 тыс. чел.: казахи составляли уже 70,9%, русские – 20,4, украинцы – 1,7, татары – 1,13, узбеки – 1,07, немцы – 1,0, уйгуры – 0,9, корейцы – 0,85, белорусы – 0,27, азербайджанцы – 0,25, турки – 0,2, поляки – 0,15, чеченцы – 0,14, армяне – 0,08, ингуши – 0,075, киргизы, башкиры – по 0,06, таджики и курды – по 0,05, греки и дунгане – по 0,04, молдаване – 0,03, другие – 0,555%.

Таким образом, за 16 лет студентов-казахов в процентном соотношении в вузах республики стало больше на 16,7%, а численность русских уменьшилась на 10,8%, украинцев – на 2,3, немцев – на 1,93, белорусов – на 0,53, татар – на 0,61%.

Следует подчеркнуть, как важно при проведении в республике научных исследований любого рода учитывать исторически сложившиеся на огромной территории страны *региональные* социально-экономические, демографические и этноязыковые условия, порой диаметрально противоположные, в различных областях Казахстана. Это напрямую относится и к языковым предпочтениям студентов разных регионов республики (табл. 2).

Из таблицы видно, что в *северных областях* республики – Акмолинской, Костанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской – число студентов отделений с русским языком обучения многократно превышало число обучающихся на казахском языке. В этих регионах Казахстана издавна в общественной жизни и межэтнических (а зачастую – и внутриэтнических) отношениях доминировал русский язык, что объясняется близостью с границей Российской Федерации, а также значительной миграцией в свое время русских, украинцев, белорусов и иных этнических групп из России и других республик Советского Союза для подъема промышленности и сельского хозяйства Казахстана. Несмотря на эмиграцию значительной части русскоязычного населения в первые постсоветские годы, его процент среди жителей Северного Казахстана продолжает оставаться высоким, что видно и по этническому составу студенческой молодежи этих регионов, в котором превалирует суммарное количество русских, украинцев, немцев, белорусов.

Таблица 2
Распределение численности студентов по языкам обучения в разных регионах Казахстана (на начало 2006/07 уч. года)

	Всего, чел.	В том числе по языкам обучения, чел.		
		казахский	русский	другие
Республика Казахстан	768 442	337 754	421 777	8701 англ., 210 узбекск.
Северный Казахстан				
Акмолинская область	26 836	5 071	21 765	
Костанайская область	42 264	6 659	35 605	
Северо-Казахстанская обл.	17 887	1 343	16 544	
Павлодарская область	32 697	6 561	26 136	
Центральный Казахстан				
Карагандинская область	67 102	17 184	49 617	301 англ.
Восточный Казахстан				
Восточно-Казахстанская обл.	50 732	16 840	33 570	322 англ.
Западный Казахстан				
Актюбинская область	33 031	18 973	14 058	
Атырауская область	22 030	12 712	9 318	
Западно-Казахстанская обл.	30 168	12 123	18 045	
Мангистауская область	14 480	8 522	5 958	
Южный Казахстан				
Алматинская область	12 496	7 852	4 644	
Жамбылская область	35 213	24 792	10 421	
Кызылординская область	17 941	15 113	2 828	
Южно-Казахстанская обл.	98 715	83 162	15 343	210 узбекск.
г. Астана	45 408	14 168	31 240	
г. Алматы	221 442	86 679	126 685	8 078 англ.

Позиции русского языка в вузах северных регионов остаются стабильными (табл. 2). Так, в *Акмолинской области* (на начало 2006/07 уч. года) обучались 26,8 тыс. студентов (3,5% от их общего числа в республике), из них на русских отделениях получали образование 81,1% студентов, на казахских – только 18,9%, несмотря на то что в национальном составе студентов более половины составляли казахи – 65,3%, русские – 24,65, украинцы – 3,07, немцы – 2,36, поляки – 1,58, татары – 1,16, белорусы – 0,7, ингуши – 0,4, другие – 0,78%. В *Костанайской области* обучались 42,3 тыс. студентов (т.е. 5,5% от общей численности): 49,9% – казахов, 33,4 – русских, 8,3 – украинцев, 3,0 – немцев, по 1,6 – белорусов и татар, 0,6 – корейцев, 0,35 – азербайджанцев, 0,23 – башкир, 1,02% – представителей других национальностей. Из них подавляющее большинство языком обучения в вузах выбрали русский язык – 84,2%; 15,8% студентов обучались на государственном языке. В *Павлодарской области* значительное преимущество также было в пользу русского языка: на нем обучались 79,9%, на казахском языке – 20,1%, Здесь количество студентов составило 32,7 тыс. чел. (или 4,25% от общего числа обучающихся в республиканских вузах), из которых казахи представляли 55,7%, русские – 33,8, украинцы – 3,4, немцы – 2,5, татары

– 1,95, белорусы – 0,5, чеченцы – 0,3, другие – 1,85%. В *Северо-Казахстанской области* на начало 2006/07 уч. года обучалось 17,9 тыс. студентов (2,3% от общей численности): казахов – 42,0%, – 46,1, немцев – 3,3, украинцев – 2,7, татар – 2,2, поляков – 1,1, белорусов – 0,55, других – 2,05%. В этой области численность студентов, обучающихся на русском языке, была самой высокой и достигала 92,5% , в то время как на казахском языке учились лишь 7,5%. В целом в северных областях количество студентов составило 15,55% от общего числа обучающихся в вузах республики.

В *Восточно-Казахстанской области* тоже доминирует русский язык обучения в вузах: на русских отделениях в начале 2006/07 уч. года было 66,2% студентов, на казахских – почти в 2 раза меньше (33,2%). В этом регионе обучались 50,7 тыс. чел., или 6,6% от общего числа. Из них казахи составляли 60,5%, русские – 34,9, татары – 1,4, немцы – 1,2, украинцы – 0,46, корейцы – 0,2, другие – 1,34%.

В *Карагандинской области* количество студентов вузов было значительным – 67,1 тыс. чел. (8,7% от общей численности): 59,6% казахов, 30,5 – русских, 2,4 – украинцев, 2,1 – немцев, 1,7 – татар, 1,03 – корейцев, 0,56 – белорусов, по 0,18 – азербайджанцев, поляков и чеченцев, 0,16 – башкир, 1,41% – представителей других этносов. Здесь также высок процент студентов, выбравших русский язык для получения высшего образования, – 73,95%, на казахском языке обучались 25,6% студентов.

Если в Северном, Восточном и Центральном Казахстане, где сосредоточено русскоязычное население, преимущественно используется русский язык, то в западных и южных регионах Казахстана, напротив, бесспорен приоритет казахского языка в различных сферах общественной жизни (в том числе в образовательном пространстве) и межэтнической коммуникации, что связано с национальным составом населения, в котором значительно преобладает титульная нация.

Так, в *Западном Казахстане*, в состав которого входят Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская и Мангистауская области, в сфере высшего образования сложилась (на начало 2006/07 уч. года) следующая этноязыковая ситуация. В *Актюбинской области* число студентов составляло 33,0 тыс. чел. (4,3% от общей численности в республике), из которых казахов составляло большинство – 88,15%, русских – 8,0, татар – 1,0, немцев – 0,33, корейцев – 0,28, чеченцев – 0,13, других – 0,71%. В этой области на государственном языке обучались более половины студентов – 57,4%, 42,6% – на русском языке. В *Атырауской области* из 22,0 тыс. студентов (2,9% от общего числа) 57,7% выбрали казахский язык обучения, 42,3% – русский язык. Среди студентов было 79,9% казахов, 19,0 – русских, 0,5 – корейцев, 0,12 – татар, 0,48% других национальностей. В *Западно-Казахстанской области* количество обучающихся в вузах составило 30,2 тыс. чел. (т.е. 3,9% от общей численности), из которых казахов было 74,2%, русских – 21,7, татар – 1,4, украинцев – 1,3, азербайджанцев – 0,3, немцев – 0,22, белорусов – 0,21, корейцев – 0,2, других этносов – 0,47%.

Любопытно, что в этой области, несмотря на значительное численное преимущество казахского населения в целом, среди студенческой молодежи в частности, почти 60% студентов (точнее, 59,8%) получали образование на русском языке, 40,2% — на казахском. В *Мангистауской области* насчитывалось в этом учебном году 14,5 тыс. студентов (1,9% от общего числа). Из них 58,85% обучались на государственном казахском языке, 41,15% — на русском. Здесь студенты-казахи так же, как и в других западных областях республики, составляли абсолютное большинство — 87,7%, русские — 9,7, азербайджанцы — 0,7, лезгины — 0,32, украинцы — 0,28, татары — 0,27, чеченцы — 0,21, другие — 0,82%. В целом в западных регионах Казахстана обучались 13% студентов от их общего числа в республике.

Интересно, что в западных регионах Казахстана — один из самых высоких процентов обучения на казахском языке в школах, однако в сфере высшего образования значительно возрастает численность студентов русских отделений вузов.¹ По всей видимости, это связано с тем, что в западных районах республики, где идет интенсивная разработка месторождений энергетического сырья (нефти, газа), необходимость приобретения молодежью технических специальностей очень высока, а обучение этим профессиям в Казахстане издавна проводилось на русском языке как языке науки и техники. В связи с этим многие выпускники школ, даже из мононациональных сельских районов, имеющие зачастую невысокую степень владения русским языком, в вузе выбирают обучение именно на русском языке из-за нехватки специальной литературы на казахском.

В *Южном Казахстане*, к которому относятся Алматинская, Жамбылская, Кызылординская и Южно-Казахстанская области, так же, как и в западных, преобладает обучение на государственном языке. Так, в *Алматинской области* (данные на начало 2006/07 уч. года) обучались в вузах 12,5 тыс. студентов (всего 1,6% от их общего числа), из них на казахских отделениях — 62,8%, на русских отделениях — 37,2%. В этническом составе студентов-казахов было большинство — 81,9%, русские составляли 12,5%, корейцы — 2,2, татары — 1,3, украинцы — 0,6, немцы — 0,4, уйгуры — 0,36, другие — 0,74%. В *Жамбылской области* обучающихся в вузах было больше — 35,2 тыс. чел., или 4,6% от общей численности. Количество студентов казахской национальности превалировало — 84,85%, в вузах этой области также обучались 10,7% русских, 1,2 — узбеков, 0,9 — корейцев, 0,4 — татар, 0,34 м немцев, украинцев и дунган — по 0,3, представителей других национальностей м 1,01%. На государственном языке обучались 70,4% студентов, на русском — 29,6%. В *Кызылординской области*, где казахское население составляет наиболее высокий процент среди общего числа жителей, в образовательном пространстве закономерно превалировал государственный язык обучения. Количество студентов вузов исчислялось 17,9 тыс. чел. (2,3%), из них казахи, по сравнению с их численностью в вузах других областей, составили самую высокую пропорцию — 93,3%, русские

¹ *Алтынбекова О.Б.* Этноязыковые процессы в Казахстане. — Алматы: Экономика, 2006. — С. 206-231.

– лишь 3,4, корейцы – 2,3, татары – 0,4, турки – 0,26, узбеки – 0,2, иные национальности – 0,14%. На казахском языке обучались 84,2%, на русском языке – 15,8% студентов вузов. В Южно-Казахстанской области (ЮКО), наиболее многонаселенной среди других областей республики, численность студентов была очень высокой (выше только в г. Алматы) и составила в 2006/07 уч. году 98,7 тыс. чел., или 12,85% от общего числа обучающихся в республиканских вузах. В составе студентов ЮКО казахов было 83,6%, узбеков – 6,9, русских – 4,6, украинцев – 2,3, татар, корейцев и турок – по 0,5, азербайджанцев – 0,33, таджиков – 0,16, других – 0,61%. Абсолютное большинство студентов в ЮКО обучались на казахском языке – 84,2%, 15,6% – на русском, 0,2% – на узбекском. В целом в вузах южных областей студенты насчитывали 21,35% от их общего числа в республике.

Таким образом, как в западных, так и в южных регионах обучение на государственном языке является более приоритетным, а численность студентов казахской национальности значительно выше, чем в среднем по республике.

Следует отметить и другие особенности этнического состава студентов в разных регионах страны. В Южно-Казахстанской области, имеющей протяженную границу с Узбекистаном, большое количество студентов-узбеков, которые по своей численности занимают второе место после казахов. В западной Мангистауской области, расположенной у Каспийского моря, среди студенческой молодежи много азербайджанцев и лезгин; в Кызылординской области – корейцев, поскольку именно сюда была в свое время депортирована их большая часть; в северной Акмолинской области в составе студентов – значительная часть ингушей и поляков, тоже являющихся потомками переселенных в этот регион народов.

Анализ этнодемографической ситуации в двух важнейших центрах Казахстана – городах Алматы и Астана – показал, что в мегаполисе Алматы с населением более 1,3 млн. чел. состав населения в большей мере стабилен, чем в новой столице – Астане, где численность жителей за 10 лет выросла почти в 3 раза и составляет в настоящее время 0,55 млн. чел.

В начале 2006/07 уч. года количество студентов в г. Алматы достигло 221,4 тыс. чел., что составило 28,8% от общего числа обучающихся в вузах республики. Этнический состав студентов-алматинцев представлял следующую картину: казахи – 71,4%, русские – 19,4, уйгуры – 3, корейцы – 1,5, татары – 1,1, украинцы и немцы – по 0,5, турки – 0,4, узбеки и азербайджанцы – по 0,3, чеченцы – 0,14, курды – 0,12, киргизы и дунгане – по 0,1, другие – 1,14%. Как видим, в вузах г. Алматы значительно выше число уйгуров, корейцев, турок, курдов, дунган, киргизов, чем в целом в процентном отношении по республике. Во многом это обусловлено тем, что контингент студентов алматинских вузов формируется не только за счет выпускников школ города, но и в значительной степени из числа окончивших школы в Алматинской и Жамбылской областях, в которых компактно проживают эти диаспоры.

Распределение численности студентов по языкам в 2006/07 уч. году показало, что в г. Алматы более приоритетным остается обучение на русском языке, который выбрали 57,2% студентов, казахский язык – 39,1%, на английском языке обучались 3,7% студентов.

Существующая в крупнейшем городе республики языковая ситуация с доминированием русского языка имеет свои глубокие корни в прошлом и вполне объяснима – достаточно, не затрагивая известных исторических и политических причин, проанализировать демографические. Даже по данным переписи населения 1970 г., в г. Алматы казахи составляли всего 13,6% (а ранее и того меньше), в численном составе жителей города, в 1979 г. – 17,7%, последняя Всесоюзная перепись 1989 г. зафиксировала 23,8% казахов от общей численности алматинцев. Перепись 1999 г., проведенная уже в суверенном Казахстане, показала увеличение числа представителей титульной нации среди горожан, тем не менее, их количество составило чуть более трети населения Алматы – 38,5%. На начало 2006 г. численность казахов – постоянных жителей города – также еще не достигла половины населения и составляла 46,5%. В г. Алматы в течение многих десятков лет складывалась языковая среда, в которой лидирующее положение практически во всех сферах общественной жизни и в межэтническом общении занимал русский язык. Как следствие, по данным переписи 1999 г., в Алматы из 434 397 казахов 2 631 человек отметил, что не владеет казахским языком, а 2,15% от общей численности указали на слабую степень владения. Думается, что и в настоящее время языковая ситуация в Алматы во многом определяется не столько современным этническим составом населения, сколько исторически сложившимися на протяжении более полувека особенностями языковой среды, в которой в большинстве сфер, в том числе в образовательном пространстве (детских дошкольных, школьных, средних профессиональных и высших учебных заведениях), а также в печатных и электронных СМИ, топонимическом пространстве города и т.д., приоритет принадлежал русскому языку.

Особый интерес к городу *Астане* как объекту социолингвистического исследования определяется двумя крупнейшими в его истории социально-политическими преобразованиями, произошедшими во второй половине XX в. Первый этап политического переустройства города относится к периоду освоения целинных и залежных земель в Советском Казахстане, когда областной центр Акмолинск стал центром Целинного края, объединившего несколько северных областей, – городом Целиноградом. В это время в регион из России, Украины, Белоруссии прибыли сотни тысяч специалистов, что существенным образом повлияло на этнический состав населения города и его языковую среду.

Второй этап связан с периодом независимости РК, когда город Акмола был переименован в Астану и стал столицей Казахстана, что вызвало огромный приток населения, на этот раз в результате внутриреспубликанской миграции. Произошла и завершилась передислокация основных госу-

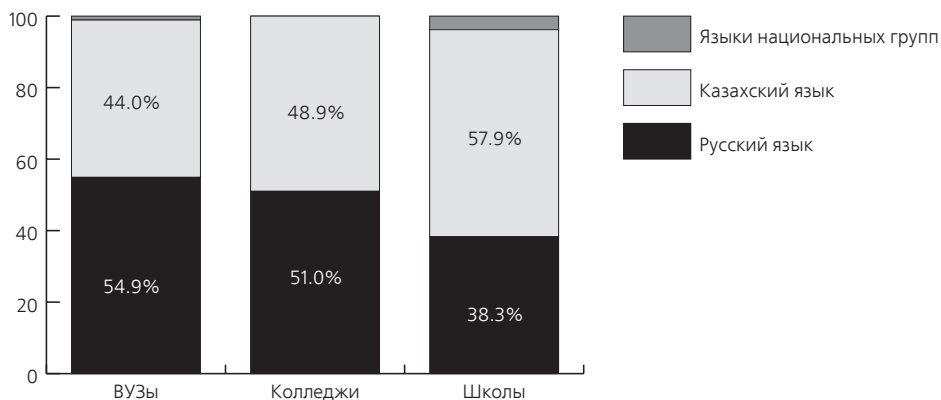
дарственных органов управления из Алматы в новую столицу. Кроме того, этот период сопровождался исключительно высокими темпами строительства города, что вызвало значительную миграцию не только госслужащих и их семей, но и инженерно-технических работников, строителей и т.д. С 1999 по 2006 гг. население Астаны увеличилось на 231,1 тыс. чел., или на 72,4%. Возросла численность почти всех этносов, за исключением немцев, белорусов, мордвы и чувашей, количество которых незначительно уменьшилось. Численность казахов за 7 лет стала больше на 189,4 тыс. чел., т. е. на 141,8%. Количество русских увеличилось на 28,8 тыс. чел. (22,2%), украинцев — на 7,1%, корейцев — на 85,1, поляков — на 16,1, азербайджанцев — на 81,8% и т.д.¹

Возвращаясь к образовательному пространству, важно рассмотреть этнический состав и распределение студентов Астаны по языкам обучения. По данным на начало 2006/07 уч. года, в вузах столицы обучались 45,4 тыс. чел. (5,9% от общей численности студентов в республике), из которых казахи составляли 67,7%, русские — 23,6, украинцы — 2,1, немцы — 1,6, татары — 1,4, корейцы — 0,7, белорусы — 0,6, поляки — 0,5, ингуши — 0,3, азербайджанцы — 0,26, чеченцы — 0,22, представители иных национальностей — 1,02%. Отметим, что в бывшей Целиноградской (ныне Акмолинской) области проживали (часть живет и поныне) польская, чеченская и ингушская диаспоры, что и определило в столичных вузах достаточно высокий процент студентов этих национальностей по сравнению с общереспубликанскими демографическими показателями. Для студенческой молодежи Астаны более предпочтительным до настоящего времени является обучение на русском языке: 68,8% составили студенты русских отделений вузов города, 31,2% — казахских отделений.

В заключение сравним данные о выборе языка обучения не только студентами вузов Казахстана, но и учащимися средних профессиональных заведений (колледжей) и общеобразовательных школ. Если в целом в 2006/07 уч. году больше половины студентов *высших учебных заведений* Казахстана (табл. 2) проходили обучение на русском языке — 54,9%, на казахском языке — 43,95%, на языках национальных групп — 1,15%, то в колледжах соотношение между государственным и русским языками было совершенно иным, почти паритетным: на казахском языке обучались 48,9% учащихся, на русском языке — 51,0%. В общеобразовательных школах Казахстана предпочтение в целом было отдано государственному языку обучения: из 2715,9 тыс. учащихся на казахском языке обучались 57,9% школьников, на русском — 38,3%, на языках национальных групп — 3,8% (см. диаграмму).

¹ Демографический ежегодник регионов Казахстана: Статистический сборник / Под ред. Б. Султанова. — Алматы, 2006.

Данные диаграммы¹ свидетельствуют, с одной стороны, о большей приоритетности на сегодня получения высшего образования на русском языке, с другой стороны, позволяют прогнозировать дальнейшее распространение государственного языка и расширение сфер его использования, поскольку наиболее молодое поколение в большей мере обучается на казахском языке.

Тем не менее, в современном Казахстане значительная часть молодежи, в том числе и титульной нации, выбирает русский язык в качестве языка обучения. Таким образом, несмотря на большие изменения в этническом составе граждан Казахстана и произошедшие миграционные процессы, коснувшиеся в основном русскоязычного населения, в сфере высшего образования Казахстана до настоящего времени сохраняется доминирование русского языка.

¹ Образование в Республике Казахстан: Статистический сборник / Под ред. Б. Султанова. – Алматы, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей	3
Концепция Центральноазиатского института русской диаспоры.....	4
Заявление Центральноазиатского института русской диаспоры от 17 апреля 2007 года.....	7
<i>Абдуллаев Е.</i> Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демодернизации	9
<i>Немешина Л.Ю.</i> Русские в Киргизии: этнокультурная и социально-политическая структура	34
<i>Дубовицкий В.В.</i> Русские в Таджикистане: от присутствия к следу в исторической памяти	55
<i>Гужвенко Ю.Н.</i> Проблемы в сфере этносоциальных отношений в Восточном Казахстане в 1990-е гг.....	61
<i>Алтынбекова О.Б.</i> Русский язык в сфере высшего образования Республики Казахстан.....	71

РУССКИЙ МИР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сборник статей и материалов

Выпуск 1

Редакторы Л.В. Тарасова, И.В. Верченко
Компьютерная верстка А.С. Шелестова

Подписано к печати 15.06.07.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Объем 5,125 п.л.

Тираж 200 экз.